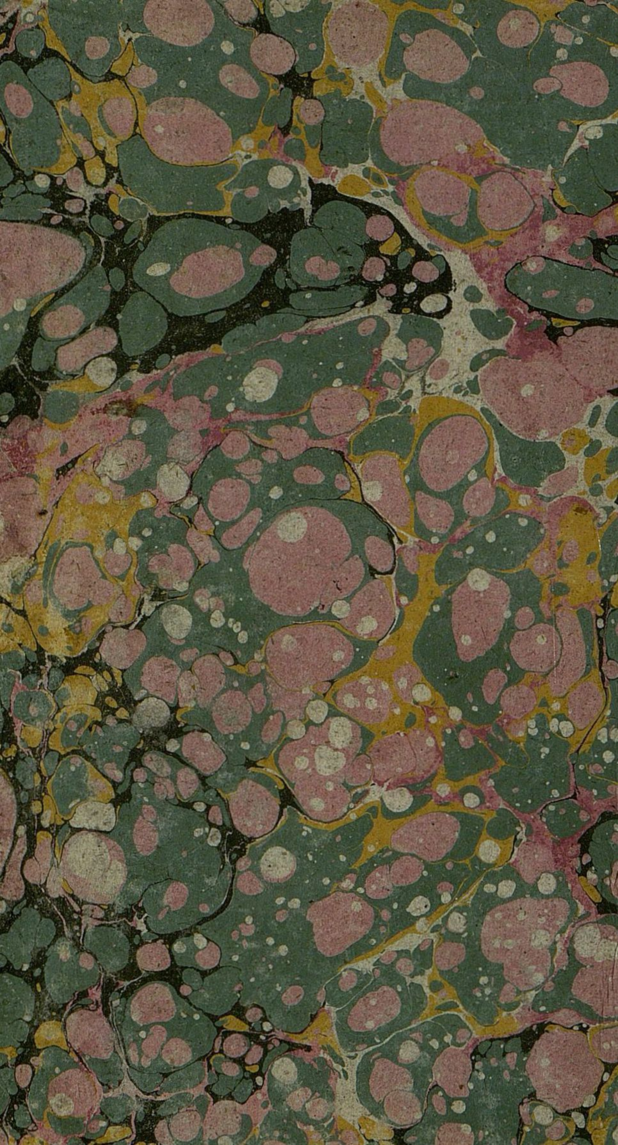
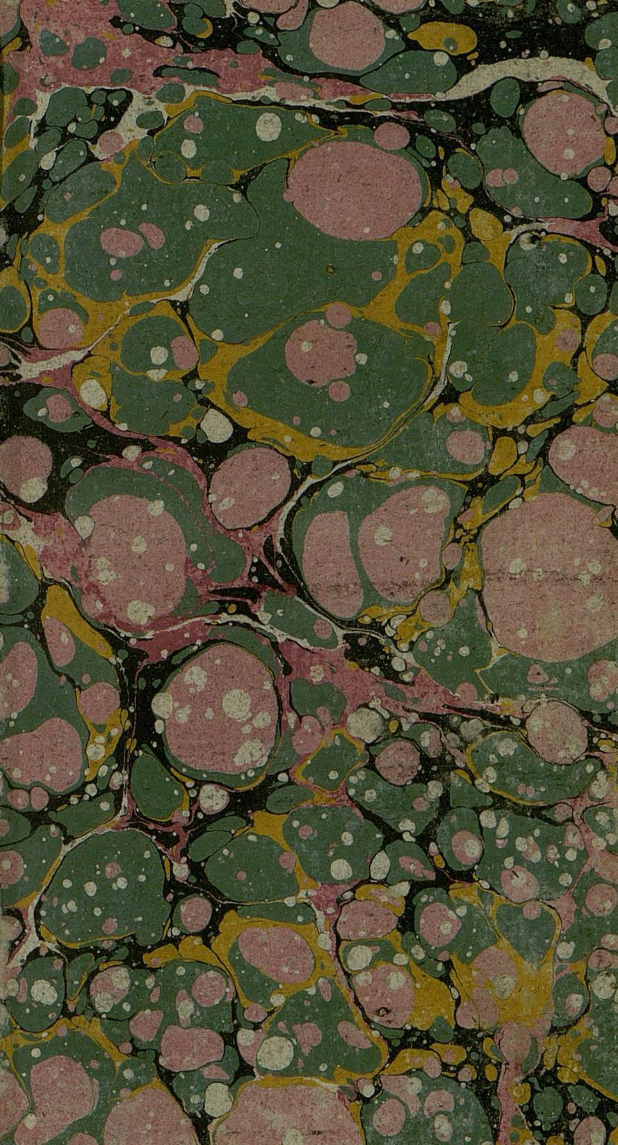

ДѢТСКІЙ СОБЕСѢДНИКЪ,

издaнный

Г. Беркенемъ,

а

переведенный съ Французскаго

Двора

Ея Императорскаго Величества

Камерпажемъ

Иваномъ Янковичемъ де Миріево.

Часть I.

ВЪ Санктпетербургѣ
1791 года.

ИхЪ

ИмператорскимЪ ВысочествамЪ

ПресвѣтлѣйшимЪ ГосударямЪ

ВеликимЪ КнязьямЪ

Александру Павловичу

и

Константину Павловичу.

Пресвѣтлѣйшїе,

Милостивѣйшїе Государи.

Особливое благоволенїе, которымъ ВАШИ ИМПЕРАТОРСКІЯ ВЫСОЧЕСТВА изволите поощрять упражняющихся въ наукахъ, побудило меня посвятить имени ВАШЕМУ сей первый опытъ трудовъ моихъ. Уповаю, что ВАШИ ИМПЕРАТОРСКІЯ ВЫСОЧЕСТВА по свойственному великодушїю простите найденныя въ переводѣ семъ

ошибки,

ошибки, приписуя оныя юности лѣтъ моихъ. Воззрите, ПРЕСВѢТЛѢЙШІЕ ГОСУДАРИ милостиво на усерднѣйшее сіе посвященіе и удостойте ВАШЕГО высокаго покровительства подносителя,

ВАШИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЫСОЧЕСТВЪ

Милостивѣйшихъ Государей

нижайшаго и преданнѣйшаго
Ивана Янковича де Миріево.

Предисловїе.

Книга сїя, дѣтскїй Собесѣдникъ, есть переводъ изданныхъ Г. Беркенемъ разныхъ сочиненїй подъ именемъ L'ami des enfants, другъ дѣтей. Я назвалъ переводъ сей дѣтскимъ Собесѣдникомъ для того, чтобъ различить оный отъ напечатанной въ Москвѣ на Россїйскомъ языкѣ книги подъ заглавїемъ Друга дѣтей, въ которой со всѣмъ не тѣ предметы, какїе здѣсь. Излишне бы было говорить, что въ книгѣ сей заключается, а только упомяну то, что оная есть творенїе самыхъ лучшихъ сочинителей, старающихся о воспитанїи дѣтей, и трудящихся о доставленїи имъ такого чтенїя, кото-

рое

рое бы исправляло въ нихъ сердце и просвѣщало разумъ. Предметы въ ней взяты изъ примѣровъ, случающихся между дѣтьми ежедневно, которые приличествуютъ возрасту и образу мыслей ихъ, и клонятся къ тому, чтобъ вперить въ юныя сердца ихъ добродѣтельныя чувствованія заблаговременно. Какъ они для чтенія весьма забавны; то не безъ пользы будетъ, естьли родители доставятъ книгу сію дѣтямъ въ то самое время, когда они ужъ начинаютъ нѣсколько читать. Для удобнаго и пріятнаго чтенія самыхъ предметовъ перемѣнилъ я чужестранныя имена дѣйствующихъ лицъ на Рускія.

И. Я. де М.

Оглавленїе.

Маленькой братецъ.

Однажды *Наташа* встала рано по утру, что бы нарвать цвѣтовъ, и принести пучекъ оныхъ своей матери на постелю. Лишь только она хотѣла пойти, какъ вдругъ пришелъ въ горницу ея отецъ, и взявши за руку съ улыбкою, сказалъ: здравствуй любезная *Наташа*, пойдемъ со мною поскорѣе, я покажу нѣчто такое, что тебѣ конечно понравится.

А что такое, батюшка, спросила она съ торопливостїю. Богъ даровалъ тебѣ въ сїю ночь ма-

ленькаго братца, отвѣчалъ онъ.

Маленькаго братца? А! да гдѣ же онъ? посмотримъ; пожалуйте сведите меня къ нему.

Отецъ отворилъ дверь той горницы, въ которой мать ея лежала. Подлѣ постели была какая то чужая женщина, которой еще *Наташа* не видывала въ домѣ, и которая пеленала новорожденнаго.

Тогда *Наташа* предложила безчисленное множество вопросовъ. Отецъ, сколько могъ, отвѣчалъ ей на оные, и думалъ, что тѣмъ удовольствуетъ ее; но *Наташа* сказала ему: батюшка? что ето за старуха? Какъ она коверкаетъ братца, не сдѣлала бы она ему какого нибудь вреда.

Г. Добро-

Г. Добросердъ.

О! нѣтъ. Будь спокойна. Она женщина хорошая; я ее приставилъ за нимъ смотрѣть.

Наташа.

Но вѣдь онъ матушкинъ; видѣла ли она его?

Гж. Добросердова.

(*Открывая занавѣсъ своей постели*)

Видѣла, душинька; а ты рада ли, что его видишь?

Наташа.

О! я конечно рада, матушка. Вы мнѣ доставили весьма хорошаго товарища. Какое странное у него личико! онъ весь покраснѣлъ, какъ будто бы бѣгалъ. Батюшка, позвольте мнѣ съ нимъ поиграть.

Г. Добросердъ.

Не льзя, онъ не можетъ еще ходить на ногахъ; посмотри какъ онѣ слабы.

Наташа.

Ахъ Боже мой! какїя ножки! Мнѣ кажется, что намъ еще долго съ нимъ не бѣгать.

Г. Добросердъ.

Потерпи. Ему надобно сперьва выучиться ходить, а по томъ будешь съ нимъ вмѣстѣ и по саду бѣгать.

Наташа.

Въ самомъ дѣлѣ? Ахъ бѣднинькой! надобно тебѣ что ни будь подарить, чтобъ ты меня любилъ: вотъ у меня есть въ кармanѣ яблочко, возми его. Батюшка, что ето такое? онъ его не беретъ, и сжимаетъ

свои ручонки.

Г. Добросердъ.

Онъ еще не знаетъ что съ нимъ дѣлать, надобно етаго нѣсколько времени подождать.

Наташа.

Ну, хорошо. О мой малюточка! Я тебѣ отдамъ всѣ мои игрушки. Будешь ли ты имъ радъ? отвѣчай же мнѣ. Кажется, что онъ улыбается. Покличь меня: *Наташа*! *Наташа*! Чтожъ ты не говоришь?

Г. Добросердъ.

По прошествіи двухъ лѣтъ онъ будетъ говорить. А ты теперь не наскучь же матери своимъ крикомъ.

Наташа.

Ахъ батюшка, онъ плачетъ, вѣрно ему кушать хочется. Не

плачь

плачь, не плачь, я тебѣ принесу полакомиться.

Г. Добросердъ.

Не безпокойся о немъ. У него нѣтъ зубовъ, такъ онъ ничего еще кушать не можетъ.

Наташа.

Не можетъ? отъ чего же онъ будетъ живъ? вѣдь онъ умретъ.

Гж. Добросердова.

Нѣтъ, душинька. Природа снабдила меня молокомъ, которымъ могу я кормить его. Онъ еще слабъ, однакожъ чрезъ нѣсколько дней, ты увидишь, что онъ будетъ валяться по полу, какъ барашикъ.

Наташа.

Какъ мнѣ хочется тогда на него поглядѣть! Но посмотрите батюшка, какая у него

малень-

маленькая головка! и дотронуться то до нея боюсь.

Г. Добросердъ.

Чего бояться, дотронься, да только тихонько.

Наташа.

Я тихохонько дотронусь. Боже мой, какъ она мягка, какъ будто хлопчатая бумага!

Г. Добросердъ.

Голова у всѣхъ маленькихъ дѣтей такова, какъ у твоего братца.

Наташа.

Естьли онъ упадетъ, то въ дребезги ее разшибетъ.

Гж. Добросердова.

Конечно. Но мы будемъ стараться, чтобъ онъ не упалъ.

Г. Добросердъ.

Но знаешь ли ты *Наташа*, что

назадъ

назадъ тому пять лѣтъ и ты была такая же маленькая?

Наташа.

Какъ, я была такая же маленькая? вы шутите батюшка.

Г. Добросердъ.

Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ.

Наташа.

Да какъ же я етого не помню?

Г. Добросердъ.

Ето правда. Помнишь ли ты, когда обивали ету горницу?

Наташа.

Она была всегда такова, какъ и теперь.

Г. Добросердъ.

Ничего не бывало; а ее обивали, когда ты была еще такая же маленькая, какъ твой братецъ.

Наташа.

Можетъ быть, только я етого

не

не примѣтила.

Г. Добросердъ.

Маленькія дѣти не могутъ еще примѣчать того, что при нихъ дѣлается. Когда твой братецъ выростетъ съ тебя, то спроси его, помнитъ ли онъ то, что ты учила его выговаривать твое имя? ты увидишь, какъ онъ ето помнитъ.

Наташа.

Не питалась ли и я матушкинымъ молокомъ?

Г. Добросердъ.

Конечно. Естьли бы ты знала попеченія ея о тебѣ! Ты была такъ слаба, что не могла ничего кушать. Мы всякую минуту отчаевались о твоей жизни. Маминька твоя говорила: бѣдное дитя, долго ли тебѣ

быть

быть такой слабой! послѣ сего на силу могла она тебя прїучить къ груди.

Наташа.

Ахъ любезная матушка! такъ сто вы научили меня кушать?

Г. Добросердъ.

Она мой другъ. Какъ скоро маминька научила тебя кушать, то сдѣлалась ты поздоровѣе и повеселѣе. Цѣлые почти два года безпрестанное о тебѣ попеченїе мы имѣли. Иногда, какъ мать твоя послѣ безпокойства заснетъ, то вдругъ разбудишь ты ее своимъ крикомъ. Она оставитъ сонъ, и прибѣжитъ къ твоей колыбели. Любезная моя *Наташа*, скажетъ она тебѣ съ ласкою, не голодна ли ты? и тотчасъ дастъ

тебѣ

тебѣ груди.

Наташа.

Такъ и у меня была такая же слабинькая головка, какъ и у братца?

Г. Добросердъ.

Точно такая, дружокъ.

Наташа.

А теперь однакожъ крѣпка! Боже мой! сколько ужъ бы разъ я ее разбила.

Г. Добросердъ.

Мы безпрестанно за тобой смотрѣли. Мать твоя часто для тебя оставляла всѣ удовольствія; она не хаживала ни въ какое собраніе, дабы тебя имѣть всегда предъ глазами. Когда она должна была выѣхать по должности, или за весьма нужнымъ дѣломъ, то всегда была

въ

вЪ опасности. Любезная моя *Усерда*, говаривала она твоей нянькѢ, я отдаю тебѢ на руки *Наташу*, какЪ собственное твое дитя; за что и даривала она ее безпрестанно, дабы за тобой рачительнѢе смотрѢла.

Наташа.

АхЪ, сколь матушка ко мнѢ милостива! - - - Да было ли, батюшка сударь, такое время, вЪ которое я не умѢла бѢгать такЪ хорошо, какЪ теперь? Посмотрите, тремя шагами перейду я всю горницу. Кто же меня етому научилЪ?

Г. Добросердъ.

Я и маминька твоя. Мы повязывали тебѢ на голову бархатную повязку, толсто набитую, дабы, естьли ты упадешь, не

ушиблась

ушиблась; тебя держали за помочи, помогая тебѣ при первыхъ шагахъ; ходили съ тобою всякой день въ садъ на траву, тамъ становились другъ противъ друга на малое разстоянїе, и поставивъ одну тебя по срединѣ, протягивали къ тебѣ руки и манили тебя, то я, то мать твоя къ себѣ; когда жъ ты хотя не много спотыкалась, то сердце у насъ замирало. Повторяя сїе упражненїе, мы и выучили тебя ходить.

Наташа.

Я никогда не думала, чтобъ вы такъ обо мнѣ старались. Такъ вы меня выучили и говорить.

Г. Добросердъ.

Мы же. Я бралъ тебя на свои

колѣ-

колѣни, и повторялъ тебѣ слова, *тятя*, *мама*, до тѣхъ поръ, пока ты могла ихъ выговаривать; да и всѣ слова, которыя ты теперь знаешь, такъ же переняла отъ насъ. Ты вѣдь помнишь и то, что и читать то тебя мы же выучили.

Наташа.

О! я ето какъ теперь помню. Вы меня сажали за столъ между собою. Намъ приносили полную тарелку изюму, и маленькїе четвероугольнички, на которыхъ были напечатаны буквы. Какъ я выучу называть какую нибудь букву, то вы и пожалуете мнѣ изюмцу. О! ето было очень забавно.

Г. Добросердъ.

Естьли бы мы о тебѣ не старались

рались, а дали бы тебѣ волю, то чтобъ изъ тебя вышло?

Наташа.

Давно бы ужъ я умерла. О! батюшка, матушка, какъ вы благосклонны! какъ вы меня любите!

Г. Добросердъ.

Однакожъ ты огорчаешь иногда твоего батюшку, и не слушаешься твоей матушки.

Наташа.

Я ужъ впередъ никакъ етого дѣлать не стану. Я не знала, сколь много вы обо мнѣ старались.

Г. Добросердъ.

Примѣчай же хорошенько, какъ мы стараться будемъ о твоемъ братцѣ, и представь себѣ, что и о тебѣ родители твои точно также старались.

Сей

Сей разговоръ произвелъ живое впечатлѣнiе въ *Наташѣ*; и когда она видѣла всю нѣжность, матерью братцу ее оказываемую, все безпокойство, сносимое ею для его здоровья, все терпѣнiе, съ которымъ она его питала, все состраданiе ее, когда онъ плакалъ; съ какою торопливостiю отецъ съ своей стороны утѣшалъ ее, и какъ оба они заботились, что бы выучить братца ходить и говорить; то говаривала она сама себѣ: такъ то любезные родители мои и обо мнѣ старались. Сiе размышленiе внушило ей къ нимъ такую нѣжность и благодарность, что она точно сдержала свое обѣщанiе, не причинять имъ никогда умышленной печали.

Че-

Четыре времени года.

Ахъ, ежели бы все зима была! сказалъ *Петруша*, катаясь въ саняхъ, и играя въ снѣжки въ саду.

Г. Честнодумъ, отецъ его услышавъ сïе, сказалъ ему: сдѣлай мнѣ *Петруша* удовольствïе, и запиши желанïе твое въ записную книжку. *Петруша* записалъ сïе дрожащею отъ холода рукою.

Зима прошла, и наступила весна. *Петруша* прохаживался съ отцемъ своимъ по цвѣтнику, гдѣ разцвѣтали гïацинты, аврикулы и нарцизы. Онъ былъ внѣ себя отъ радости, обоняя ихъ, и удивляясь ихъ живости и цвѣту.

Ето произведенïе весны, ска-

залЪ ему *Г. ЧестнодумЪ*; они прекрасны, но не долговременны.

АхЪ, ежели бы все весна была! сказалЪ *Петруша*. Не хочется ли тебѣ и ето желанїе записать вЪ мою записную книжку? отвѣчалЪ ему отецЪ.

Петруша записалЪ сїе, прыгая отЪ радости.

Весна скоро прошла, и наступило лѣто. ВЪ одинЪ прекрасной день *Петруша* сЪ своими родителями и товарищами пошелЪ вЪ ближнюю деревню.

На дорогѣ встрѣчались то зеленѣющїяся нивы, которыя колебалЪ легкой вѣтрЪ, на подобїе тихо волнующагося моря, то луга, изпещренные множествомЪ цвѣтовЪ; вездѣ блѣяли ягнятки, и рѣзвые жеребятки пры-

прыгали вокругъ своихъ матерей.

Тамъ кушали они вишни, землянику и другіе лѣтомъ растущіе плоды, и пробыли цѣлой день.

Не правда ли, *Петруша*, сказалъ Г. *Честнодумъ*, возвращаясь въ городъ, что и лѣто приноситъ множество забавъ?

Ахъ! отвѣчалъ онъ, я бы желалъ, что бы оно продолжалось весь годъ, и по приказу своего отца записалъ онъ сіе желаніе въ записную книжку.

Напослѣдокъ пришла осень. Все семейство пошло собирать виноградъ: тогда не было такихъ жаровъ, какъ лѣтомъ; воздухъ былъ благорастворенной, и небо ясно. На виноградныхъ лозахъ висѣли индѣ черные, а индѣ златовидные грозды; лежа-

щія на грядахъ дыни распространяли благоуханіе, вѣтьви же древъ гнулись подъ бременемъ прекрасныхъ плодовъ.

Сей день, былъ день пиршества у *Петруши*, который ничего такъ не любилъ, какъ виноградъ, дыни и винныя ягоды. Онъ еще любилъ и самъ ихъ собирать.

Сіе прекрасное время, сказалъ ему отецъ, скоро пройдетъ, зима уже на пути, и приближается къ намъ быстрыми шагами, дабы смѣнить осень.

Ахъ! отвѣчалъ *Петруша*, я бы желалъ, что бы она остановилась на дорогѣ, и что бы насъ осень не покидала.

Г. Честнодумъ.

И ты бы былъ симъ доволенъ, *Петруша*?

Пе-

Петруша.

О! весьма доволенъ, я васъ увѣряю, батюшка. Но, перервалъ рѣчь отецъ его, вынимая изъ кармана записную книжку, посмотри, что тутъ написано, читай въ слухъ.

Петруша. (*читаетъ*)

Ахъ! естьли бъ все была зима.

Г. Честнодумъ.

Ну, теперь посмотримъ далѣе.

Петруша. (*читаетъ*)

Естьли бы все была весна!

Г. Честнодумъ.

А на етомъ листочкѣ, что то будетъ? читай.

Петруша. (*читаетъ*)

Мнѣ бы хотѣлось, что бы все было лѣто!

Г. Честнодумъ.

Знаешь ли ты, кто ето писалъ?

Пе-

Петруша.

Я.

Г. Честнодумъ.

А теперь чего ты желалъ?

Петруша.

Что бы зима остановилась, и что бы осень насъ никогда не покидала.

Г. Честнодумъ.

Ето очень странно: зимой ты желалъ, что бы все была зима; весной, что бы все была весна; лѣтомъ, что бы все было лѣто; а теперь осенью ты желаешь, что бы все была осень. Понимаешь ли ты, что изъ сего выходитъ.

Петруша.

Что всѣ времена года хороши.

Г. Честнодумъ.

Такъ мой другъ; всѣ онѣ изобильны богатствомъ и удовольствiемъ,

ствіемъ, и Богъ умѣетъ лучше, нежели нашъ ограниченной разумъ, управлять природой. Естьли бы по твоему желанію была все зима, у насъ бы не было ни весны, ни лѣта, ни осени. Земля покрылась бы вѣчнымъ снѣгомъ, и ты не имѣлъ бы другаго удовольствія, какъ только кататься въ саняхъ и играть въ снѣжки. Коликихъ радостей лишился бы ты отъ таковаго распоряженія? И такъ мы весьма счастливы, что не въ нашей власти состоитъ располагать природой. Ибо мы лишились бы всего счастія, когда бы всѣ наши безразсудныя прошенія были исполняемы.

Снѣгъ.

Снѣгъ.

Послѣ нѣкоторыхъ ненастливыхъ перемѣнъ погоды, на конецъ наступаетъ весна. Повѣваетъ маленькой вѣтерокъ, согрѣвающїй воздухъ; таютъ снѣги; дернъ начинаетъ зеленѣть; цвѣты изъ земли возникаютъ; слышимо пѣнїе птицъ. *Катинька* идетъ съ родителемъ прогуливаться въ деревню; она въ перьвой разъ слышитъ пѣнїе зяблицъ, и впервые срываетъ фїалки. Но время еще разъ перемѣняется: вдругъ поднимается сильной сѣверной вѣтеръ, распускающїй ревъ свой по лѣсамъ, и покрывающїй все снѣгомъ. *Катинька* возвращается домой дрожа, и лѣгши въ свою постелю,

стелю, благодаритъ Бога, что онъ ей даровалъ такую мягкую постельку, закрытую отъ бури.

На другой день по утру, когда она встала: А!---- все побѣлѣло; ночью выпало снѣгу по колѣно.

Катиньку ето весьма опечалило, а маленькія птички еще печальнѣе ее были. Какъ вся земля покрыта была глубокимъ снѣгомъ, то пташички сіи не могли сыскать ни одного сѣмечка, и ни одного червячка для утоленія своего голоду.

Всѣ пернатые обитатели лѣсовъ удалялись въ города и деревни, дабы искать помощи у людей. Многочисленныя стада воробьевъ, жаворонковъ, зяблицъ и другихъ садились по доро-

дорогамъ и дворамъ, и разрывая своими ножками и носиками соръ, старались сыскивать себѣ тамъ пищу.

Почти съ пятьдесять птичекъ прилетѣло на дворъ *Катинькинъ*. Она увидѣвши ихъ, вошла съ печальнымъ видомъ въ горницу своего отца. Что тебѣ сдѣлалось, душа моя, сказалъ онъ ей? Ахъ! батюшка, отвѣчала она, уже всѣ тѣ птички, которыя за два дни предъ симъ пѣли такъ весело, теперь у насъ на дворѣ; кажется, что они замерзли отъ холоду, и просятъ ѣсть. Позволите ли вы мнѣ принесть имъ не множко зеренъ.

Со всею охотою, сказалъ ей отецъ. *Катинька* болѣе не заставляла

вляла его сїе позволенїе повторять. Житница была на другой сторонѣ улицы; она побѣжала туда съ своей нянькой за просою и коноплями, которыхъ принесши и насыпала на дворѣ. Птички перепархивали стадами вокругъ ее, и подбирали даже до малѣйшаго зернышка; *Катинька* же, смотря на нихъ, радовалась. Она позвала туда своего батюшку и матушку, дабы они съ нею вмѣстѣ смотрѣли, и тѣмъ увеселялись.

Но сїя горсть сѣмянъ была скоро склевана. Птички взлетѣли на кровлю, и смотрѣли печально на *Катиньку*, какъ будто бы хотѣли сказать, не дашь ли еще намъ чего ни будь.

Она поняла сїе, и побѣжала

тотчасъ еще за сѣменемъ. Проходя чрезъ улицу, встрѣтила одного мальчика, который не былъ одаренъ такимъ сострадательнымъ сердцемъ, какъ она. Сей мальчикъ несъ въ рукахъ клѣтку, наполненную птичками, которую такъ качалъ, что бѣдныя животныя ударялись объ нее головами.

Ето было несносно для *Катиньки*. Что ты будешь дѣлать съ етими птичками, спросила она мальчика? Я и самъ незнаю, отвѣчалъ онъ; мнѣ хочется ихъ продать, а естьли никто не купитъ, то накормлю ими мою кошку.

Кошку? Перервала *Катинька*, кошку? Ахъ! негодной мальчишка.

О!

О! да она у меня уже ихъ не въ перьвые почти живыхъ глотаетъ, говорилъ онъ, и качая свою клѣтку, пошелъ поспѣшными шагами.

Катинька остановивъ его, спросила, что онъ за нихъ возметъ. По денешкѣ за птичку, отвѣчалъ мальчикъ, а всѣхъ ихъ осмнадцать.

Ну! такъ я, куплю ихъ у тебя, сказала *Катинька*. Она велѣла итти мальчику за собой, и побѣжала просить позволенія у отца своего ихъ купить.

Отецъ склонился на сіе съ удовольствіемъ, и уступилъ даже своей дочери пустую горницу, чтобы помѣстила она въ ней своихъ пернатыхъ жильцовъ.

Злосердъ, такъ назывался етотъ мальчишка, пошелъ домой, будучи весьма доволенъ своею продажею, и раскazалъ своимъ товарищамъ, что онъ знаетъ одну дѣвушку, которая покупаетъ птичекъ.

Чрезъ нѣсколько часовъ собралось на *Катинькинъ* дворъ множество крестьянскихъ дѣтей, какъ будто на торгъ. Они тѣснили другъ друга вокругъ ея, стараясь къ ней подойти, и подымали вверхъ свои клѣтки, дабы тѣмъ показать преимущество птицъ своихъ.

Катинька купила у всѣхъ тѣхъ, которые къ ней приходили, и птичекъ своихъ отнесла въ ту же горницу, въ которую пустила и перьвыхъ. Наступила

ночь.

ночь. Давно уже *Катинька* не ложилась спать съ такимъ удовлетвореннымъ сердцемъ. Не счастлива ли я, говорила она сама себѣ, что могла спасти жизнь толикаго числа невинныхъ животныхъ, и что могу ихъ кормить? Когда придетъ лѣто, и пойду я на поля и въ лѣсъ, то всѣ мои жильцы запоютъ тогда самыя лучшія свои пѣсни въ знакъ благодарности за старанія, которыя я о нихъ имѣла. Разсуждая о семъ, она заснула, и видѣлось ей, будто находится она въ пріятномъ зеленомъ лѣску; всѣ деревья покрыты были тамъ птичками, которыя или перепархивая съ одной вѣточки на другую, пѣли пѣсенки, или кор-

мили

мили своихъ птенцовъ: *Катинька* улыбалась во время сего сновидѣнія.

Она вставъ рано по утру, пошла кормить своихъ жильцовъ на дворѣ и въ птичникѣ. Но въ етотъ день была не такъ довольна, какъ на канунѣ. Она знала, сколько было у ней денегъ, и сколь мало ихъ осталось. Естьли сїя снѣжная погода будетъ продолжаться еще нѣсколько дней, говорила она, то что сдѣлается съ другими птичками? Злые мальчики будутъ ими живыми кормить своихъ кошекъ, а я не имѣя ни малаго числа денегъ, не буду въ состоянїи ихъ спасти.

Въ сихъ печальныхъ мысляхъ вынимаетъ она потихоньку свой

коше-

кошелекъ, дабы сощитать свое маленькое сокровище.

Но какое было ея удивленїе, нашедши оной довольно тяжелымъ. Она открывъ его, увидѣла, что онъ наполненъ разныхъ цѣнъ монетами, которыя были вмѣстѣ перемѣшаны.

Она тотчасъ побѣжала къ своему отцу, и расказала съ восхищенїемъ свое приключенїе.

Отецъ прижалъ ее къ своей груди, обнялъ, и пролилъ нѣсколько слезъ по лицу *Катиньки*.

Любезная дочь, говорилъ онъ, ты никогда не дѣлала мнѣ столько удовольствїя, какъ теперь. Продолжай вспомоществовать симъ страждущимъ животнымъ, и чѣмъ больше станешь употреблять кошелекъ твой на сїе дѣло,

тѣмъ больше будетъ онъ наполняться.

Какъ етому *Катинька* обрадовалась! она побѣжала въ птичникъ, насыпавъ полной передникъ конопель и просы. Всѣ птицы летали вокругъ ее, и взирали на свой завтракъ съ возхищенїемъ; по томъ сошла на дворъ, гдѣ также голоднымъ птицамъ великолѣпной пиръ доставила. У ней было уже около ста воспитанниковъ, что дѣлало ей такое удовольствїе, какого ни куклы ея, ни игрушки ей не приносили.

Послѣ обѣда, вложивъ руку свою въ мѣшокъ съ конопляным сѣменемъ, нашла бумажку, на которой были слѣдующїя слова:

пер-

пернатые обитатели воздуха простираютъ къ тебѣ полетъ свой, Великій Боже! ты питаешь ихъ, ты простираешь къ нимъ десницу свою, ты всякое дыханіе насыщаешь. Отецъ слѣдовалъ тогда за нею. Она обращается къ нему и говоритъ: и такъ я уподобляюсь Богу; обитатели воздуха летаютъ вокругъ меня, и я простирая къ нимъ руку мою, ихъ питаю.

Такъ душа моя, сказалъ ей отецъ, ты всегда дѣлая добро, Богу уподобляешься. Когда ты выростешь побольше, то будешь въ состояніи помогать тебѣ подобнымъ, такъ какъ теперь помогаешь птицамъ; и тогда то будешь ты еще болѣе уподобляться Богу. Ахъ! какое счастіе для человѣка, когда онъ

можетъ дѣлать благодѣянія себѣ подобнымъ.

Цѣлую недѣлю подавала *Катинька* руку помощи птичкамъ томящимся голодомъ. На конецъ снѣгъ растаялъ, поля зачали покрываться зеленью, и птицы, несмѣвшіе прежде удалиться отъ дому, направили тогда полетъ свой къ лѣсу.

Но тѣ, которыя были въ птичникѣ, оставались еще заперты. Они взирали на солнце, летали по окошку и стучали носиками въ оконницу. Но ето было тщетно; ибо темница ихъ была для нихъ весьма крѣпка: *Катинька* не примѣтила еще ихъ печали.

Въ одинъ день, какъ принесла она имъ кушанье, то отецъ

ея

ея пришелъ, не много спустя послѣ ее; она обрадовалась, видя, что онъ хочетъ участвовать въ ея удовольствіи.

Любезная *Катинька*, сказалъ онъ ей, отъ чего птички сіи такъ печальны? Кажется, что имъ чего то хочется. Можетъ быть они оставили на полѣ своихъ товарищей, и имъ весьма хочется ихъ видѣть.

Ваша правда, батюшка: кажется, что они печальны съ тѣхъ поръ, какъ прекрасные дни настали. И такъ я отворю окошко, и выпущу ихъ на волю.

Ты не дурно сдѣлаешь, отвѣчалъ ей отецъ, ты обрадуешь всю сію страну. Сіи маленькіе плѣнники сыскавъ своихъ друзей, полетятъ къ нимъ на

встрѣчу,

встрѣчу, такъ какъ встрѣчаешь меня ты, когда я домой возвращаюсь.

Не успѣлъ еще онъ сего сказать, какъ окны уже были отворены. Птицы примѣтили сїе, и во мгновенїе улетѣли. Иныя касались земли своими крыльями, другїя возвышались на воздухъ, нѣкоторыя садились на ближнїя деревья, а другїя пролетали мимо окна съ радостнымъ крикомъ.

Катинька ходила всякой день прогуливаться по полю; вездѣ видѣла она сихъ птичекъ, или слышала ихъ пѣнїе. То вспархивалъ предъ нею жаворонокъ, и запѣвъ радостную пѣсню, взвивался подъ облака, то качаясь на самой вершинѣ куста мали-

малиновка воспѣвала свою; и когда которая нибудь, птичка отличалась своимъ пѣнїемъ, то *Катинька* говорила: вотъ одна изъ моихъ воспитанницъ; ее можно узнать по голосу, по тому, что въ ету зиму была она хорошо кормлена.

Митюша.

Бѣдной работникъ, *Трудолюбъ*, имѣлъ шесть малолѣтныхъ дѣтей, которыхъ былъ кормить не въ состоянїи. Къ вящшему нещастїю его годъ былъ безплоденъ, да и хлѣбъ продавался въ двое дороже, нежели въ прошедшемъ году. *Трудолюбъ* работалъ день и ночь: однако не смо-

смотря на его труды, не возможно было ему выработать столько денегъ, дабы накормить самою простою пищею голодныхъ дѣтей своихъ. Онъ былъ въ крайнемъ отчаянїи. Однажды призвавъ свое семейство, со слезами сказалъ оному: любезные мои дѣти! Хлѣбъ такъ вздорожалъ, что я при всей моей работѣ не могу достать и столько, что бы васъ насытить. Вы сами видите, что я за етотъ кусокъ хлѣба отдалъ всѣ деньги, кои сего дня заработалъ. И такъ вы должны довольны быть онымъ и раздѣлить его со мною. Хотя и не будете имъ сыты, однако, по крайней мѣрѣ съ голоду не умрете. Бѣдной человѣкъ

ловѣкъ не могъ болѣе говорить; онъ возвелъ очи свои къ небу и зачалъ плакать. Дѣти его также плакали и говорили каждой про себя: О Боже! Приди къ намъ на помощь, какъ мы бѣдные младенцы нещастны! Помоги нашему отцу, и не дай намъ умереть съ голоду.

Трудолюбъ раздѣливъ хлѣбъ на семь равныхъ частей, одну оставилъ для себя, а другія каждому изъ дѣтей раздалъ. Одинъ изъ нихъ, по имени *Митюша*, не хотѣлъ взять своей части, и сказалъ: я не могу ничего ѣсть, батюшка, и чувствую, что я боленъ; скушайте мою долю, или раздѣлите ее другимъ. Бѣдниынькой! да что тебѣ сдѣлалось, спросилъ *Тру-*

долюбъ, взявъ его на руки. Я боленъ, отвѣчалъ *Митюша*, очень боленъ; пойду да лягу. *Трудолюбъ* отнесъ его на постель; на другой же день отягченный печалью пришедъ къ лѣкарю, попросилъ его, ради Бога, навѣстить больнаго сына его, и дать ему помощь.

Лѣкарь, будучи человѣкъ снисходительный, пришелъ къ *Трудолюбу*, хотя и былъ увѣренъ, что не получитъ ни чего за посѣщенiе. Онъ приближается къ *Митюшиной* постѣлѣ, щупаетъ его пульсъ, но не можетъ сыскать никакого признака болѣзни. Однакожъ находитъ въ немъ великую слабость, и дабы его ободрить, то хотѣлъ ему нѣчто прописать

для принятія. Не прописывайте мнѣ ничего; сказалъ *Митюша*, я не приму.

Лѣкарь.

Не примешь! для чего?

Митюша.

Не спрашивайте меня о томъ, милостивый государь, мнѣ вамъ не льзя сказать.

Лѣкарь.

Да кто тебѣ мѣшаетъ, другъ мой? по етому ты весьма упрямой мальчикъ.

Митюша.

Господинъ лѣкарь! ето не отъ упрямства, я васъ увѣряю.

Лѣкарь.

Хорошо, я не буду тебя принуждать, а спрошу у отца твоего, который все ето мнѣ откроетъ.

Ми-

Митюша.

Ахъ! милостивый государь, я бы желалъ, чтобъ батюшка ничего объ етомъ не вѣдалъ.

Лѣкарь.

Ты непонятной мальчикъ! надобно не отмѣнно сказать отцу, ежели ты самъ не признаешься.

Митюша.

Боже мой! такъ я лучше скажу вамъ самъ; но прежде велите вытти моимъ братьямъ и сестрамъ. Лѣкарь велѣлъ дѣтямъ вытти, и тогда ему *Митюша* сказалъ: ахъ милостивый государь! Нынѣ стала такая дороговизна, что батюшка съ великимъ трудомъ можетъ доставлять намъ одинъ только хлѣбецъ; онъ раздѣляетъ его

съ

съ нами; всякой изъ насъ получаетъ по маленькому кусочку, а онъ почти ничего не беретъ для себя. Мнѣ горестно видѣть моихъ братьевъ и сестеръ умирающихъ съ голоду. Я старѣе всѣхъ и сильнѣе; я не хотѣлъ ѣсть для того, дабы они раздѣлили мою долю. Отъ етаго то и притворился больнымъ, что будто не могу ѣсть. Пожалуйте же не сказывайте батюшкѣ.

Лѣкарь отирая глаза свои отъ слезъ, сказалъ ему: такъ ты голоденъ, другъ мой?

Митюша.

Конечно, я весьма голоденъ, но ето не такъ меня безпокоитъ, какъ то, когда батюшка, братья и сестры мои голодны.

Лѣ-

Лѣкарь.

Но вѣдь ты умрешь, ежели ѣсть не будешь.

Митюша.

Я ето чувствую сударь, но я умру съ радостію; я тѣмъ облегчу отца моего. А какъ Господь приметъ меня къ себѣ, то я буду просить его, что бы онъ питалъ моихъ братьевъ и сестеръ.

Добродушный лѣкарь былъ внѣ себя отъ жалости и удивленія, слыша слова толь великодушнаго младенца. Онъ взялъ его на руки, и прижавъ къ своему сердцу, сказалъ: нѣтъ любезный мой другъ, ты не умрешь. Богъ, общій отецъ нашъ, будетъ какъ о тебѣ, такъ и о твоей семьѣ стараться: благо-

годари его, что онъ меня сюда привелъ; подожди, я тотъ часъ назадъ возвращуся. Онъ побѣжалъ домой, велѣлъ слугѣ своему взять разныхъ съѣстныхъ припасовъ и пришелъ съ оными къ *Митюшѣ* и его голоднымъ братьямъ. Онъ посадилъ ихъ всѣхъ за столъ, и далъ имъ ѣсть столько, что они здѣлались сыты. Добродушный лѣкарь восхищался, видя невинныхъ сихъ младенцовъ. Выходя, сказалъ онъ *Митюшѣ*, что бы онъ не безпокоился, и что онъ будетъ помогать ихъ нуждамъ. Онъ вѣрно наблюдалъ свои обѣщанія; онъ посылалъ имъ всякой день обильную пищу; да и многїе, которымъ онъ расказалъ сїе приключенїе, такъ же

имъ

имъ благодѣтельствовали. Иные присылали имъ съѣстные припасы, другїе деньги, нѣкоторые платье и бѣлье, такъ, что чрезъ нѣсколько дней по томъ бѣдная сїя семья не возъимѣла никакой нужды.

Какъ скоро Государь былъ увѣдомленъ о томъ, что сей добродѣтельной *Митюта* сдѣлалъ для своего отца и братьевъ: то удивясь такому великодушїю, призвавъ *Трудолюба*, сказалъ ему: у тебя удивительное дитя; я хочу быть также ему отцемъ; по приказу моему будутъ выдавать тебѣ всякой годъ по сту рублей. *Митюша* и протчїя твои дѣти будутъ учиться на моемъ содержанїи художествамъ, какїя они сами изберутъ, и естьли

они

они симъ воспользуются, то я буду стараться о ихъ счастіи.

Трудолюбъ возвратясь домой упоенный радостію, палъ на колѣни, и благодарилъ Творца за ниспосланіе ему толь достойнаго сына.

Варинька.

Госпожа *П* * * молодая женщина, отличившаяся какъ своею красотою и остротою разума, такъ и нѣжностью своихъ чувствованій и своею живостію, выговаривала однажды *Дашинькѣ*, старшей своей дочери за вѣтренность, простительную ея лѣтамъ. *Дашинька*, тронутая

 лас-

ласкою, которую ея мать употребляла въ своихъ выговорахъ, испускала слезы раскаянія и нѣжности. *Варинька* будучи отъ роду трехъ лѣтъ, увидя плачущую свою сестру, вскарабкалась на стулъ, дабы до нее достать; доставши же до нее, одной рукой беретъ платокъ, отираетъ ей глаза, а другою суетъ ей въ ротъ конфетку, которая уже была во рту ея. Кажется, что живописецъ могъ бы изъ сего содержанія прекрасную сдѣлать картину.

Малень-

Маленькой

музыкантъ.

Драма въ одномъ дѣйствіи.

Дѣйствующія лица:

Г. Добромыслъ.

Злонравъ, сынъ его.

Милена, дочь его.

Любимъ, племянникъ его.

Честана } Добросердовы,
Привѣта } подруги Миленины.

Бѣдняковъ маленькой музыкантъ.

Дѣйствіе въ С. Петербургѣ въ домѣ Г. Добромысла.

Маленькой музыкантъ.

Драма въ одномъ дѣйствiи.

Явленiе I.

Злонравъ, Любимъ.

Злонравъ.

Послушай, братецъ, сдѣлай мнѣ удовольствiе.

Любимъ.

Какое? ты всегда мнѣ найдешъ дѣло.

Злонравъ.

Ты попроворнѣе меня. Вѣдь ты знаешь эту Федрову басню, которую учитель назначилъ мнѣ для перевода?

Любимъ.

Да развѣ ты еще ее не кончилъ?

Злонравъ.

Какъ мнѣ кончить, когда еще и не начиналъ.

Любимъ.

Развѣ тебѣ не было времени отъ одинадцати до трехъ часовъ?

Злонравъ.

Подумай, можно ли мнѣ было ето сдѣлать. Въ одинадцать часовъ бѣгалъ я по саду для аппетиту. За столомъ сидѣли мы съ двенадцати часовъ до втораго. Ты самъ знаешь, сколько разъ говаривалъ намъ батюшкинъ лѣкарь, что весьма опасно послѣ кушанья сидѣть и упражняться; а какъ я хорошо поѣлъ, то и надлежало мнѣ имѣть больше тѣлодвиженія, дабы тѣмъ скорѣе пища сварилась.

Лю-

Любимъ.

Да она теперь уже сварилась, и до ночи остается тебѣ еще больше времени, нежели надобно.

Злонравъ.

Развѣ сіе время не назначено для письма?

Любимъ.

Вѣдь учитель твой еще не пришелъ.

Злонравъ.

Такъ я буду его ждать; а ежели часы я перемѣшаю, то все сдѣлаю на выворотъ.

Любимъ.

Да и послѣ етихъ часовъ остается тебѣ еще нѣсколько времени послѣ обѣда и весь вечеръ.

Зло-

Злонравъ.

Ни одной минуты не останется. Сестрица моя сего дня ожидаетъ къ себѣ въ гости *Гж. Добросердовыхъ.*

Любимъ.

А развѣ онѣ будутъ къ тебѣ?

Злонравъ.

Нѣтъ; однакожъ мнѣ надобно помогать сестрицѣ забавлять ихъ.

Любимъ.

Кто же тебѣ помѣшаетъ, какъ онѣ уйдутъ?

Злонравъ.

Кто помѣшаетъ? Работать при свѣчахъ, что бы испортить себѣ глаза? Однакожъ переводъ мой долженъ быть къ завтрему готовъ.

Лю-

Любимъ.

Сдѣлаешь, хорошо; а не сдѣлаешь, такъ мнѣ право въ томъ нужда не велика.

Злонравъ.

Развѣ тебѣ любо, когда меня батюшка, или учитель бранитъ?

Любимъ.

Ты меня всегда умѣешь склонять на свою сторону; посмотримъ-ка, гдѣ переводъ?

Злонравъ.

Въ верьху въ моей горницѣ, на столѣ. Я его тебѣ сыщу, или лучше пойдемъ вмѣстѣ.

Любимъ.

Поди сперьва ты, я тотчасъ приду. Вотъ идетъ твоя сестрица, и хочетъ что то со мною говорить.

Злонравъ.

Да не сказывай ей етого, слышишь ли?

Явленїе II.

Милена, Любимъ.

Милена.

Скажи, *Любимушка*, что у тебя за дѣло съ братцемъ? вѣрно онъ сыгралъ съ тобою какую ни будь шутку.

Любимъ.

Нѣтъ, онъ проситъ меня, по привычкѣ своей, чтобъ я сдѣлалъ къ завтрему переводъ.

Милена.

Такъ батюшка и никогда не узнаетъ о его лѣности?

Любимъ.

Я совсѣмъ не такой человѣкъ, которой бы ему о томъ сказалъ. Ты знаешь, что по смерти твоей матушки, дядюшка мой столь слабъ здоровьемъ, что и малѣйшій припадокъ дѣлаетъ его на многіе дни больнымъ. А какъ я живу благодѣяніями твоего батюшки, то и опасаюсь привести его на такія мысли, что будто стараюсь раздражать его противъ своего сына.

Милена.

Ну, такъ я при перьвомъ случаѣ скажу на нево... Но знаешь ли, о чемъ я хотѣла съ тобою поговорить? Сего дня придутъ ко мнѣ *Гж. Добросердовы*, и тебѣ должно насъ позабавить.

Лю-

Любимъ.

О! со всею охотою, сестрица.

Милена.

А! да вотъ онѣ идутъ.

Явленіе III.

Любимъ, Милена, Честана, Привѣта.

Милена.

Здравствуйте, мои любезныя! (*Цѣлуются, и кланяются Любиму, который цѣлуетъ у нихъ руки съ почтеніемъ.*)

Привѣта.

Кажется, что я тебя цѣлой годъ не видала.

Честана.

Да, уже очень давно, какъ мы съ тобою видѣлись.

Милена.

Я думаю, что недѣли три будетъ.

(*Любимъ ставитъ столъ и стулья*)

Привѣта.

Не трудись *Любимъ*.

Любимъ.

Я, сударыня, исполняю свою должность.

Милена.

О! я увѣрена, что *Любимъ* это съ удовольствïемъ дѣлаетъ. (*Она подаетъ ему руку*) Я бы желала, чтобъ и въ моемъ братцѣ было хотя нѣсколько той учтивости, которая видна въ *Любимѣ*.

Явленїе IV.

Любимъ, Милена, Честана, Привѣта, Злонравъ.

Злонравъ.

(ни мало не смотря на Гж. Добросердовыхъ) Развѣ ето хорошо тебѣ *Любимъ*, что заболтавшись здѣсь съ етими гостьями, заставилъ ты меня такъ долго дожидаться?

Любимъ.

Я думалъ, что ты прежде поговоришь съ гостьями, а по томъ уже со мною.

Злонравъ.

О! не прогнѣвайтесь сударыни; я тотчасъ и съ вами говорить буду.

Честана.

Да по крайней мѣрѣ не торопи-

пишееь *Злонравъ.*

Злонравъ.

(отводитъ Любима на сторону и между тѣмъ, какъ дѣвицы разговариваютъ, вынимаетъ онъ изъ кармана переводъ и даетъ оной Любиму).

Вотъ онъ, слышишь ли?

Любимъ.

Ну, ужъ есть надъ чемъ потрудиться! шесть строчекъ? какъ тебѣ не стыдно?

Злонравъ.

Стъ! молчи.

Любимъ.

Позвольте мнѣ сударыни, отлучиться на полъ четверти часа.

Привѣта.

Мы васъ съ нетерпѣливостію ожидать будемъ.

Ми-

Милена.

Братецъ, тебѣ уже къ стати сказать тамъ, чтобъ *Татьяна* подала намъ чаю.

Явленіе V.

Злонравъ, Милена, Честана, Привѣта.

Злонравъ.

(бросается въ креслы)

Вотъ и я теперь сѣлъ.

Милена.

Мнѣ кажется, что должно бы тебѣ испросить на то позволенія?

Злонравъ.

Не у тебя ли?

Милена.

Да вѣдь я здѣсь не одна.

При-

Привѣта.

Я вижу, что братъ твой насъ за ничто почитаетъ.

Честана.

Онъ думаетъ, можетъ быть, что будучи съ нами, дѣлаетъ намъ великую честь.

Злонравъ.

О! я знаю, что вы можете обойтись безъ моего сообщества, однакожъ я не могу такъ легко лишиться вашего.

Милена.

По крайней мѣрѣ, хотя видъ вѣжливости подалъ. Всего бы лучше, ежелибъ ты пошелъ, да велѣлъ чаю то подать.

Злонравъ.

Да не думаешь ли ты, сестрица, что я для тебя здѣсь сижу?

Милена.

О! я етого не заслуживаю. Я почитаю за великое счастїе быть сестрою такого умника, каковъ ты.

(*Татьяна приноситъ чай и ставитъ его возлѣ Милены.*)

Злонравъ.

Пожалуй дай мнѣ разливать чай.

Милена.

Нѣтъ, нѣтъ, ето то ужъ мое дѣло, ты на ето не проворенъ. Естьли же хочешь что ни будь дѣлать, такъ подавай его гостьямъ.

Честана.

Для меня не клади такъ много сахару.

Милена.

Положижъ сама, сколько тебѣ угодно, душинька, (*подаетъ ей сахарницу и чашку; Злонравъ беретъ*

ретъ также чашку и сахарницу.)

(Злонраву)

Да у тебя и такъ три куска большихъ.

Злонравъ.

Ето вѣдь не много. Я люблю пить сладко.

(Беретъ нѣсколько кусковъ сахару до тѣхъ поръ, пока сестра не вырветъ у него изъ рукъ сахарницу.)

Милена.

Не стыдно ли, братецъ, тебѣ? Вѣдь ты видишь, что намъ ничего не остается.

Злонравъ.

Вотъ тебѣ разъ! развѣ ты не знаешь, гдѣ буфетъ.

Милена.

Пристойно ли тебѣ меня туда посылать?

Злонравъ.

Ето для того, что чрезъ то доставишь ты мнѣ удовольствїе быть одному съ гостьями.

Честана.

Ну, *Миленушка*, скажика, не довольно ли учтивъ твой братецъ?

Милена.

(*Собрала всѣ чашки, дабы наливать чаю въ другой разъ.*)

Злонравъ! Поднеси ету чашку *Честанѣ*.

(*Онъ беретъ чашку, и поднося Честанѣ, выливаетъ ей чай на платье; всѣ вдругъ вскакиваютъ.*)

Милена.

Вотъ опытъ его учтивости. (*Злонраву тихо*) Я бьюсь объ закладъ, что ты негодница, ето нарочно сдѣлалъ.

Че-

Честана.

АхЪ, Боже мой! что то матушка теперь скажетЪ? И что намЪ дѣлать?

Привѣта.

Она только еще вЪ другой разЪ надѣла ето платье. Дайте скорѣе стаканЪ холодной воды.

Милена.

НѣтЪ, я слыхала, что лучше потереть сухой ветошкой. ВотЪ чистой платокЪ!

(*идутъ къ Честанѣ; Привѣта держитъ платье, а Милена третъ его. Въ сïе же время Злонравъ стоитъ у стола, и пьетъ спокойно чай.*)

Привѣта.

Хорошо, хорошо, ну, теперь пускай сохнетЪ.

Че-

Честана.

По счастію замаралось въ складкѣ, гдѣ не видать.

Злонравъ.

(*въ сторону*)

Я не виноватъ.

Милена.

Посмотрика *Привѣта*, мнѣ кажется, что уже ничего не видно.

Привѣта.

Какъ будто и пятна не было.

Честана.

Хорошо, что такъ удалось. Однакожъ впредь сударь, прошу не трудиться и мнѣ не услуживать.

Милена.

Сядемъ же теперь.

(*Она хочетъ наливать, но видитъ, что чайникъ пустъ, глядитъ на Злонрава съ негодованіемъ.*)

Ка-

Какая непонятная грубость! Повѣрите ли, что въ то время, когда мы занимались, онъ выпилъ весь чай? Однакожъ постойте на часокъ, я велю еще согрѣть.

Привѣта.

Нѣтъ, нѣтъ, довольно, я не стану пить ни капли больше.

Честана.

Несчастїе, съ платьемъ приключившееся, отняло у меня жажду.

Злонравъ.

Не чинитесь, вѣдь еще можно чаю то сдѣлать.

Честана.

Конечно тебѣ бы *Милена* надобно прежде знать, что братъ твой будетъ нашимъ участникомъ.

Ми-

Милена.

Незванымъ надобно бы было подождать, пока ихъ будутъ подчивать.

Привѣта.

Да ужъ полно объ етомъ говорить; я ни мало о томъ не печалюсь.

Милена.

Ну, такъ чтожъ намъ теперь дѣлать. А вотъ другъ нашъ *Любимъ*, онъ намъ пособитъ выбрать какую ни будь игру.

Злонравъ. (*насмѣхаяся*)

Вашъ другъ *Любимъ*! ---- однакожъ мнѣ съ нимъ надобно еще прежде васъ, сударыни, поговорить.

(*Онъ подходитъ къ Любиму, между тѣмъ какъ дѣвицы разговариваютъ.*)

Явле-

Явленїе VI.

Привѣта, Милена, Честана, Любимъ, Злонравъ.

Злонравъ.

(*Любиму*)

Ну! готовъ ли ты?

Любимъ.

Готовъ. Возми и спыдись своей лѣности--- что же сударыни, выбрали ль вы какую ни будь игру?

Честана.

Мы васъ дожидалися.

Любимъ.

Есть у меня къ вашимъ услугамъ маленькой музыкантъ, и коли вы позволите, я его кликну; онъ или споетъ вамъ какую ни будь пѣсенку, или вы бу-

будете танцовать, а онъ играть.

Милена.

Маленькой музыкантъ! да гдѣ же, гдѣ же онъ?

Привѣта.

Должно признаться, что *Любимъ* умѣетъ развеселить насъ.

Любимъ.

Мы можемъ веселясь, сдѣлать маленькое благодѣяніе, по тому что бѣдниинькой музыкантъ ничего, кромѣ скрыпки, не имѣетъ.

Злонравъ.

Ктожъ ему заплатитъ, сударь. Видишь, какая выскачка! поступаетъ, какъ будто не вѣдь какой богачъ, а у самаго нѣтъ ни шелега.

Милена.

Стыдися братецъ!---

Любимъ.

Пускай его говоритъ, что хочетъ *Миленушка*, вѣть онъ меня тѣмъ не обижаетъ. Что за грѣхъ быть бѣднымъ? Етимъ я равняюсь моему маленькому музыканту, которой, право хорошей мальчикъ. Я ему отдамъ остальныя свои десять копѣекъ, за которыя будетъ онъ играть цѣлой вечеръ.

Привѣта.

Мы всѣ вмѣстѣ ему сложимся.

Честана.

И въ самомъ дѣлѣ такъ.

Любимъ.

Прикажете ли его позвать? Онъ дожидается у дверей.

Милена.

Позови братецъ, да пожалуй поскорѣе.

(*Лю-*

(Любимъ выходитъ, и въ то время Татьяна приноситъ на блюдѣ пирожное.)

Явленїе VII.

Честана, Привѣта, Милена, Злонравъ.

(Злонравъ хочетъ у Татьяны взять блюдо, но Милена ему не даетъ.)

Злонравъ.

Я вѣдь хотѣлъ разрѣзать.

Милена.

Не трудись пожалуй; а то ты такъ же искусно сдѣлаешь, какъ и съ чаемъ, котораго ни капли намъ не осталось.

(Она разрѣзываетъ пирогъ, и раздаетъ всѣмъ по порядку.)

Зло-

Злонравъ. (взявши свой кусокъ)
А остальной та кусокъ кому?

Милена.
Да развѣ *Любиму* не надобно?

Честана.
Я рада ему свой кусокъ отдать.

Привѣта.
И я тоже.

Злонравъ (съ досадою,)
Какъ же онъ счастливъ!

Милена.
Такъ тебѣ досадно, что и ему кусокъ достался.

Явленіе VIII.

Прежніе, Любимъ.

(Любимъ держа за руку Бѣднякова, у котораго подъ пазухою скрыпка.)

Лю-

Любимъ.

Имѣю честь представить вамъ моего виртуоза.

Привѣта и Честана.

Онъ въ самомъ дѣлѣ такой хорошинькой.

Милена.

Откуда ты голубчикъ?

Бѣдняковъ.

Изъ села *Нуждина*, сударыня.

Честана.

За чѣмъ же ты зашелъ въ такую даль?

Бѣдняковъ.

Отецъ мой слѣпъ и не въ силахъ работать: я съ нимъ хожу по разнымъ странамъ, и кормлю его своею скрыпкою.

Милена.

Изрядно, покажи же намъ свое искуство!

Бѣд-

Бѣдняков.

Отъ всего сердца, только увѣряю васъ , что мое искуство не велико.

Любимъ.

Играй , какъ ты умѣешь : для меня будетъ хорошо; сїи госпожи такъ же извинятъ тебя , естьли ты въ чемъ ошибешься.

(Бѣдняковъ настроиваетъ свою скрыпку. Честана беретъ остатокъ пирога и подноситъ Любиму; онъ благодаритъ ее, беретъ тарелку , и держитъ ее въ рукахъ, не трогая пирога , что бы слышать , какъ Бѣдняковъ играетъ. Онъ начинаетъ играть слѣдующую пѣсню, и поетъ ее.)

,,Ахъ сжальтесь надъ стенящимъ,
,,Имѣющимъ отца,
,,Надъ мной, его кормящимъ,
,,Что дастъ рука Творца.

* * *

,,Вы помощь намъ подайте,
,,Неволя нудитъ насъ,
,,О насъ вы сострадайте,
,,Коль сердце есть у васъ.

* * *

,,Вы зрите участь нашу,
,,И то, что я сношу,
,,Сугубте милость вашу,
,,Я васъ о томъ прошу.

Любимъ (*взявъ его за руку*)
Такъ ты очень бѣденъ голубчикъ?

Бѣдняковъ.

Увы! но вся моя надежда на одну только скрыпку. Естьли мы захвораемъ, то Богъ насъ не оста-

оставитъ, а естьли умремъ, то больше ничего не надобно намъ, какъ только маленькую часть земли, которую вездѣ найти можно.

Любимъ.

Да не голоденъ ли ты, дружокъ мой? вотъ тебѣ мой кусочикъ пирога.

Бѣдняковъ.

Нѣтъ, нѣтъ, сударь, кушайте сами на здоровье; мнѣ бы кусочикъ хлѣбца.

Любимъ.

Пожалуй возьми; я и самъ умѣю хлѣбъ ѣсть.

Бѣдняковъ.

Покорно благодарствую, сударь: да я его теперь ѣсть не стану, а пришедши домой, раздѣлю съ отцемъ моимъ:

онъ етаго еще и не ѣдалъ.

Милена.

Раздѣлишь съ отцемъ! такъ отдай ему, вотъ, мой кусокъ.

Привѣта.

Вотъ и мой.

Честана.

Такъ ужъ и мой возьми.

Бѣдняковъ.

Нѣтъ, нѣтъ, извольте сами кушать, сударыни; будетъ съ насъ и одного кусочка. Вѣдь етими лакомствами сытъ не будешь.

Злонравъ (съ насмѣшкой)

Онъ вѣдь правду говоритъ; отъ етаго спадетъ онъ со своего прекраснаго голоска.

Милена (Злонраву)

Да вѣдь у тебя никто и не проситъ пирога.

Злонравъ.

О! о! о! я ево ужъ давно убралъ.

Любимъ. (*Бѣднякову*)

Ну, дружокъ, съѣшь сперьва свой пирогъ.

Бѣдняковъ.

Нѣтъ, нѣтъ сударь! коли вы мнѣ его пожаловали, то позвольте завернуть его въ платокъ и снести домой.

Милена.

Постой немножко; я тебѣ дамъ чистинькую ветошичку, а ты покамѣстъ положи пирогатъ на окно.

Бѣдняковъ.

Хорошо, сударыня; вѣдь я сюда пришелъ играть, а не ѣсть.

Честана.

Мнѣ ужасно какъ хочется про-

танцовать миновет съ *Любимомъ*; знаешь ли ты какой ни будь?

Бѣдняковъ.

Все, что вамъ угодно. Миновет ли, контретанецъ ли, Польской ли, или какую ни будь Рускую пѣсню.

Честана.

Нутка, заиграй сперьва миновет.

(Любимъ беретъ Честану за руку, и приготовляется танцовать.)

Привѣта.

Да не лучше ли танцовать въ четверомъ?

(приближается къ Злонраву.)

Г. Злонравъ!

Злонравъ.

Извините, сударыня, я не умѣю танцовать.

Ми-

Милена.

А вѣдь цѣлыя два года учился.

Злонравъ.

Да мнѣ что то сего дня не хочется.

Привѣта (ему кланяясь)

Вотъ и отказъ.

Милена.

Любимъ, дай мнѣ пожалуй свою шляпу; (*Привѣтѣ*) я имѣю честь, сударыня, быть вашимъ кавалеромъ.

Честана.

Ну, такъ мы станемъ танцовать въ двѣ пары.

Любимъ.

Къ вашимъ услугамъ, сударыня (*танцуютъ миновстъ въ двѣ пары; когда же перестаютъ, то Привѣта беретъ Любима.*)

При-

Привѣта.

Г. *Любимъ*, мнѣ хочется съ вами потанцовать.

Любимъ.

Я ето ставлю себѣ за честь.

Честана.

Ну, такъ я буду твоимъ кавалеромъ, *Миленушка*.

Милена.

Такъ мнѣ и не удалось потанцовать съ *Любимомъ*; однакожъ должно уступить своимъ гостьямъ ту услугу, которую бы ты мнѣ сдѣлалъ.

(*Онѣ танцуютъ другой миноветъ. Между тѣмъ Злонравъ подходитъ къ окну, беретъ Бѣднякова пирогъ и уходитъ тихонько изъ горницы.*)

Ми-

Милена.

(*Любиму, которой отирает съ лица потъ.*)

Ага! вотъ мы тебя поймали! должно признаться, что дѣвушки гораздо крѣпче на ногахъ, нежели ваша братья.

Любимъ.

Отъ того, что вы попроворнѣе насъ.

Честана. (*Любиму*)

Естьли бы вашъ братецъ былъ такъ же ласковъ, какъ и вы, то бы мы не такъ еще васъ завертѣли; между тѣмъ какъ другія бы двѣ изъ насъ танцовали, одна бы всегда отдыхала.

(*Онѣ ищутъ повсюду Злонрава*)

Привѣта.

А! а! онъ ушелъ, слава Богу.

Бѣ-

Бѣдняков.

Прикажете ли мнѣ еще сыграть что ни будь?

Любим.

Нѣт, полно, развѣ вам, сударыни, угодно. Етот маленькой бѣдняжка может итти еще в другое мѣсто, и что ни будь выработать. Я вам сказывал, что у меня мало денег, а *Злонрав* ушел, и не оставил своей части.

Привѣта.

Мы с вами вмѣстѣ ему заплатим.

Честана.

Без сумнѣнія. (*вынимает кошелек*)

Вот, *Любим*, моя гривна.

Привѣта.

Вот и моя.

Ми-

Милена. (Любиму)
Вотъ, братецъ, двадцать копѣекъ за насъ обоихъ, пускай твои деньги останутся у тебя.

Любимъ.
Нѣтъ, нѣтъ, *Миленушка*, вѣдь мнѣ перьвому платить надобно.
(сбираетъ всѣ деньги вмѣстѣ, и даетъ оныя Бѣднякову.)

Бѣдняковъ.
О! нѣтъ, я никогда етого неприму; вы, сударь, обѣщали мнѣ только гривну.

Любимъ.
Возьми все, другъ мой; ты не знаешь, какую мы радость вкушаемъ, дѣлая добро.

Бѣдняковъ.
Да наградитъ васъ за сїе Господь! (*Миленѣ*) теперь, сударыня сдѣлайте милость, пожалуйте ка-

кую

кую ни будь мнѣ тряпочку завернуть пирогъ, которой изволили вы мнѣ пожаловать.

Милена.

А я право было и позабыла.

(*бѣжитъ къ комодцу, и вынимаетъ оттуда платокъ*)

Вотъ онъ, хотя не много поношенъ, однакожъ для етаго годится.

Бѣдняковъ.

Какъ поношенъ, да онъ еще и очень хорошъ. Я не смѣю его взять.

Милена.

Мнѣ ужъ больше онъ не надобенъ, и я бы его отдала кому ни будь другому.

Бѣдняковъ.

Да благословитъ васъ Богъ за вашу щедрость. (*подходитъ къ окну, чтобъ взять пирогъ.*)

Ми-

Милена.

Подай мнѣ его завернуть.

(*Ищутъ пирогъ, но тщетно*)

Бѣдняковъ. (*печально*)

Ужъ его нѣтъ.

Милена.

Ето безстыдной *Злонравъ*. Онъ унесъ пирогъ у бѣдняшки.

Бѣдняковъ.

Не сердитесь, сударыня , мнѣ только жаль батюшки.

Любимъ.

Естьли бы *Злонравъ* не былъ твоимъ братомъ, *Милена*, дорого бы ему стоило его прожорство: но не должно, что бы отецъ *Бѣднякова* остался безъ удовольствія. Любезная *Миленушка*, пожалуй мнѣ свою гривну, которую ты *Бѣднякову* за меня дать хотѣла.

Милена.

Нѣтъ, душинька, я сама хочу сдѣлать ему ету награду. (*Бѣднякову*) на, вотъ тебѣ гривна, купи отцу своему другой пирогъ. (*Привѣта и Честана ищутъ въ своихъ карманахъ*)

Привѣта.

Вотъ тебѣ еще нѣсколько денегъ.

Честана.

Вотъ возьми и у меня.

Бѣдняковъ.

Боже мой! Боже мой! нѣтъ, ужъ етого много.

Любимъ (*подаетъ ему съ нѣжностію руку.*)

Какъ же я несчастенъ, что не могу тебѣ ничего дать; я вѣдь и самъ сирота, и живу благодѣяніями другихъ людей.

Бѣ-

Бѣдняковъ (Любиму)

Такъ лучше бы было, естьли бы вы меня совсѣмъ сюда не приводили, или бы взяли назадъ ваши деньги.

Любимъ.

Ты обо мнѣ не тужи. Прощай, я желаю тебѣ добраго успѣха въ твоемъ ремеслѣ.

Бѣдняковъ (выходя, Миленѣ)

Извольте взять вашъ платокъ, сударыня.

Милена.

Возми его себѣ, естьли тебѣ надобенъ.

Бѣдняковъ.

Да сохранитъ небо здравіе ваше и сдѣлаетъ васъ любви достойнѣйшими.

(уходитъ)

Явле-

Явленіе IX.

Милена, Привѣта, Честана, Любимъ.

Милена.

Можетъ ли быть что ни будь не достойнѣе, поведенія моего брата?

Честана.

Естьлибъ я была его сестра, то не смѣлъ бы онъ такъ дурачиться.

Привѣта.

Мнѣ жаль только того, что онъ отнялъ у насъ всю радость, которую мы вкушали, помогая сему несчастному.

Честана.

Онъ однакожъ теперь не такъ сожалѣнія достоинъ; вѣдь запирогъ довольно ему заплатили.

Лю-

Любимъ.

Конечно, по великодушїю вашему. Однакожъ сїе не совсѣмъ можетъ оправдать поступокъ *Злонрава*, и несчастный *Бѣдняковъ* могъ бы имѣть и то и другое.

Милена.

Ты, братецъ, въ семъ случаѣ болѣе всѣхъ обиженъ; ты лишился своего пирога, которой съѣлъ негодной мой братъ.

(*Стучатъ въ двери*)

Явленїе X.

Тѣже и Бѣдняковъ.

Любимъ.

Вотъ опять пришелъ нашъ музыкантъ. Что ты другъ мой?

Бѣ-

Бѣдняковъ (плача)

Ахъ, Боже мой! помогите мнѣ, я пропалъ.

(дѣти сбираются вокругъ его)

Милена.

Что тебѣ сдѣлалось?

Бѣдняковъ.

Все мое богатство --- которымъ я вмѣстѣ съ отцемъ кормился --- посмотрите --- моя скрыпочка --- совсѣмъ въ дребезги разбита; такъже вашъ платокъ и деньги --- все пропало --- все у меня отнялъ.

Любимъ.

Да ктоже разбилъ твою скрыпку, и отнялъ твои денги?

Бѣдняковъ.

Тотъ --- тотъ, который унесъ мой пирогъ.

Ми-

Милена.

Братъ мой? возможноли?

Любимъ.

Злонравъ.

Привѣта.

Ето не вѣроятно.

Честана.

Ахъ, какой злодѣй!

Бѣдняковъ.

Да, онъ, точно онъ. Лишь только переступилъ я черезъ порогъ, онъ подошелъ ко мнѣ и спросилъ, заплатили ль мнѣ за труды, а естьли не заплатили, то сказалъ, что онъ мнѣ заплатитъ. О! конечно, отвѣчалъ я, мнѣ заплатили еще больше, нежели сколько я заслужилъ. Да откуда взяли они столько денегъ, сказалъ мнѣ; покажитка, сколько они тебѣ дали. А я...

Ахъ, какая глупая голова! Мнѣ бы надобно вспомнить о пирогѣ, но я ужъ болѣе о немъ и не думалъ. Я былъ радъ, что понесу отцу моему столько денегъ! я ихъ не считалъ, и весьма хотѣлось знать, сколько ихъ у меня. Скрыпку положилъ я возлѣ себя на полъ, и вынулъ изъ за пазухи платокъ. Етотъ платокъ пожаловала мнѣ одна дѣвица сверьхъ заслуженнаго, сказалъ я; у меня тутъ лежатъ всѣ деньги. Лишь только хотѣлъ я ево развязать, какъ вдругъ ухватился онъ за него. Тогда я тотчасъ узналъ злое его намѣренiе: онъ сталъ тянуть его къ себѣ, а я къ себѣ. Видитъ онъ, что моя скрыпка на полу; вдругъ вскочилъ на нее обѣими

ногами

ногами съ превеликою досадою. Руки у меня опустились, платокъ у меня выпалъ; а онъ подхватя его, убѣжалъ. Скрыпка моя разбилась въ дребезги, смычокъ переломился, и нѣтъ у меня ни платка, ни денегъ. О! батюшка, бѣдной мой батюшка, что съ нами будетъ!

Милена.

Я право не знаю, какъ намъ быть; у меня нѣтъ ничего. Ахъ, дорогой *Любимъ*!

Привѣта (*Бѣднякову*)

Вотъ еще нѣсколько денегъ, а болѣе у меня право нѣтъ.

Бѣдняковъ.

Покорнѣйше васъ благодарю, сударыня, но за ети деньги скрыпки мнѣ не купить. Ахъ бѣдной мой батюшка! она слу-

жила ему лѣтъ съ пятнадцать.

Честана.

Вотъ, возьми мои послѣднія деньги.

Милена.

(*бѣжитъ къ своему камоду*)

Вотъ, мой игольникъ, онъ золотой, поди, да продай его, другъ мой, у меня есть другой костяной, которой его замѣнять можетъ.

Любимъ.

Нѣтъ, *Миленушка*, не давай своего игольничка. Постой, дружокъ мой, я тебя изъ бѣды выведу. (*наклоняется, разстегиваетъ свои пряжки, и даетъ ему оныя.*) У меня есть еще пара семилїоровыхъ; а за тѣ получишь ты рублей шесть или семь, онѣ мои; мнѣ ихъ дядюшка подарилъ на имянины.

(*Ми-*

(Милена даетъ ему свой игольникъ, а Любимъ пряжки. Бѣдняковъ ничего не беретъ.)

Бѣдняковъ.

Нѣтъ, я етого не возьму, подумаютъ, что я укралъ.

Милена.

Возьми хоть мой игольникъ.

Любимъ.

Ты не хочешь взять у меня моихъ пряжекъ? Я вѣдь разсержусь. Бери же, говорятъ.

Бѣдняковъ.

Ахъ, Боже мой! вы хотите, чтобъ я васъ лишилъ вашихъ драгоцѣнностей.

Любимъ.

Не печалься объ етомъ. Богъ, можетъ быть, мнѣ дастъ болѣе, нежели сколько я теперь даю тебѣ. Твоему отцу надобенъ

бенЪ хлѣбЪ, а у меня нѣтЪ отца, котораго бы я самЪ кормилЪ.

Милена.

Ступай, ступай, да постарайся состоянїе свое поправить.

Бѣдняковъ.

Да возмите, по крайней мѣрѣ вашЪ игольникЪ.

Милена.

Я о немЪ и не думаю.

Привѣта.

Естьли ты придешь кЪ намЪ, то и я о тебѣ постараюсь.

Честана.

Мы живемЪ у Синяго мосту. Спроси только домЪ *Добросердовыхъ*, всякой робенокЪ тебѣ покажетЪ.

Бѣдняковъ.

Очень хорошо, сударыня, ежели

только

только слуги не откажутЪ.

Милена.

Ну, поди же теперь, можетЪ статься твой отецЪ о тебѣ беспокоится; да и нашЪ батюшка тотчасЪ сюда будетЪ.

Бѣдняковъ.

КакЪ, вашЪ батюшка? развѣ вы его дожидаетесь?

Милена.

ТакЪ, ступай же поскорѣе, вѣдь етотЪ негодница, которой у тебя отнялЪ платокЪ и деньги, отниметЪ еще и ето.

Бѣдняковъ.

Развѣ вы увѣрены, что васЪ не будутЪ за ето бранить?

Любимъ.

Не бойся ничего. Прощай.

Бѣ-

Бѣдняков. (*уходя*)
О нѣжныя сердца!

Явленїе XI.

Милена, Привѣта, Честана, Любим.

Привѣта.

Мнѣ весьма жалко, что вы лишились своих пряжек, *Любим.*

Честана.

Вы етим подаете нам весьма хорошїй примѣр.

Любим.

А мнѣ подала оной *Миленушка.* Естьли бы *Злонрав* не сдѣлал такого сквернаго поступка, тобы наслаждался я совершенным удовольствїем, оказав благо-

благодѣяніе *Бѣднякову*. Съ какою радостію застегну я теперь свои семиліоровыя пряжки!

Явленіе XII.

Тѣже, Г. Добромыслъ, и Бѣдняковъ.

(Дѣти сбираются вмѣстѣ. Милена и Любимъ глядятъ косо на Бѣднякова, и говорятъ другъ другу на ухо.)

Г. Добромыслъ (Гж. Добросердовымъ)

Здравствуйте сударыни, покорнѣйше васъ благодарю за честь сдѣланную вашимъ посѣщеніемъ *Миленушкѣ*. Но позвольте въ присутствіи вашемъ выслушать сего мальчика; онъ ждалъ меня на лѣст-

лѣстницѣ, и не хочетъ отъ меня отстать, пока его предъ вами не выслушаю, (*Бѣднякову*) Ну, говори?

Бѣдняковъ (*Миленѣ и Любиму*) Покорнѣйше прошу на меня не прогнѣваться. Я не могъ никакъ объ етомъ смолчать, и мнѣ бы весьма дурно было, оставить у себя то, что вы мнѣ пожаловали, безъ позволенія вашего батюшки. Я знаю, что у дѣтей ничего нѣтъ собственнаго.

Г. Добромыслъ.

Чтобы ето такое значило?

Бѣдняковъ.

Я вамъ тотъ часъ все перескажу. Етотъ молодой господинъ позвалъ меня позабавить сихъ госпожъ моею скрыпкою. Тутъ былъ и еще одинъ пригожинькой

кой господчикъ, но превеликая при томъ повѣса.

Г. Добромыслъ.

Какъ? сынъ мой?

Бѣдняковъ.

Извините меня, я проговорился. Я игралъ самыя лучшія штучки, какія только зналъ, и ети господа пожаловали мнѣ кусокъ пирога и платочикъ, во чтобы его завернуть, да еще горсточку мѣлкихъ денегъ; я не знаю, сколько ихъ щотомъ было.

Г. Добромыслъ.

Ну, чтожъ далѣе?

Бѣдняковъ.

И такъ етотъ злой мальчикъ взялъ мой пирогъ, которой я хотѣлъ отнесть къ слѣпому отцу своему. Но ето еще не все. Онъ вышелъ тихонько изъ гор-

горницы, подкараулилЪ меня вЪ сѣняхЪ, и лишь только я сЪ своею ношею, исполненный радости, вышелЪ, какЪ напавши онЪ на меня, вырвалЪ сЪ деньгами платокЪ, и разбилЪ скрыпку мою вЪ дребезги. ВотЪ посмотрите. (*плачетЪ*) все мое имѣніе, которое питало и меня и отца моего.

Г. Добромыслъ.

Правду ли ты говоришь? Ето ужасная злость. КакЪ? СынЪ мой - - -

Привѣта.

Поведеніе его дѣлаетЪ подозрѣніе ето справедливымЪ. Извольте спросить у *Миленушки*, она вамЪ тоже скажетЪ.

Г. Добромыслъ (*Бѣднякову*) Не печалься другЪ мой, я тебя

удо-

удовольствую. Все ли ты сказалъ?

Бѣдняковъ.

Нѣтъ, еще сударь не все; изволите послушать. Погруженный въ печали возвратился я назадъ, и расказалъ все ето имъ. У нихъ не было довольно денегъ заплатить за скрыпку. Ета дѣвица дала мнѣ золотой игольникъ, а етотъ господинъ свои серебряныя пряжки. Я никакъ ихъ не могъ взять: отецъ бы мой подумалъ, что я ихъ укралъ. А какъ я зналъ, что вы сюда будете, то и дожидался васъ, дабы оныя вещи возвратить; вотъ извольте --- Но у меня ужъ нѣтъ скрыпки. О скрыпочка моя, дорогая скрыпочка! О бѣдной мой батюшка!

Г. До-

Г. Добромысл.

Что ты говоришь? Кому изъ васъ любезныя дѣти я болѣе удивляться долженъ? А ты прекрасное созданïе, потерявъ въ крайней твоей бѣдности все, попускаешь лучше умереть съ голоду любимаго тобою отца, нежели сдѣлать худо.

Бѣдняков.

Не ужъ то за худыя поступки похвалятъ? Нѣтъ, сударь, нажитое неправдою въ прокъ не пойдетъ; отецъ и мать моя всегда мнѣ ето твердили. Естьлибъ вы мнѣ купили только скрыпку, все бы поправилось. Етотъ игольникъ и пряжки стоятъ больше, нежели скрыпка; а вѣдь лишнее брать, грѣхъ.

Г. До-

Г. Добромысл.

Ты и отецъ безъ сумнѣнія столько добросердечны, что судя, по васъ, не можно бы ни о комъ подумать худо. Всевышній употребляетъ меня для доставленія вамъ его благодѣяній. Останься съ нами. Ты теперь будешь съ *Любимомъ*, а послѣ ужъ возмемъ другія о тебѣ мѣры.

Бѣдняков.

Какъ? При етомъ Ангелѣ? Ахъ! какъ я радъ. (*цѣлуетъ Любиму руку*) Но, нѣтъ, (*печально*) я не оставлю своего отца одного. Безъ меня какъ станетъ онъ жить? Какъ! мнѣ жить въ богатствѣ, а ему умереть съ голоду! О! етому не бывать.

Г. Добромысл.

Любезное дитя! а кто твой отецъ?

Бѣдняковъ.

Старой и слѣпой земледѣлецъ, котораго я кормилъ своей скрыпкой. Правда, пища наша состоитъ только въ одномъ хлѣбѣ и щахъ; и мы тѣмъ отъ Господа Бога всякой день довольны; мы не тужимъ, что будемъ ѣсть завтра: онъ объ насъ печется.

Г. Добромысл.

Ну, такъ я хочу и объ отцѣ твоемъ стараться. Запишу его въ богодѣльню, гдѣ имѣютъ хорошое призрѣніе о престарѣлыхъ и больныхъ; а посѣщать его ты можешь, когда захочешь.

(Бѣдняковъ восхищается отъ радости и бѣгаетъ внѣ себя по горницѣ)

Бѣ-

Бѣдняковъ.

О! Боже! бѣдной мой батюшка! онъ умретъ съ радости. Не могу долѣе здѣсь остаться, пойду и приведу его сюда.

(Бѣжитъ къ дверямъ. Милена и Любимъ берутъ руку Г. Добромысла и отираютъ свои глаза.)

Явленіе XIII.

Тѣже кромѣ Бѣднякова.

Г. Добромыслъ.

О любезнѣйшія дѣти! Какъ бы сей день былъ для меня счастливъ, естьлибъ удивляясь вашей щедрости, мысль о недостойномъ сынѣ моемъ не усыпляла моей радости; но нѣтъ, она не должна ее усыплять. Богъ наградилъ меня въ тебѣ,

Любимъ, другимъ сыномъ, хотя не по рожденїю, однакожъ по свойству, а болѣе еще по тому, что ты имѣешь любви достойное сердце. Такъ, ты будешь моимъ сыномъ -- Но гдѣ *Злонравъ*? поди за нимъ и приведи его сюда сей часъ. (*Любимъ уходитъ*)

Милена.

Ужъ съ часъ тому назадъ, какъ мы его не видимъ. Въ то время, какъ мы танцовали, онъ ушелъ съ пирогомъ.

Любимъ. (*вошедши*)

Сказали, что онъ пошелъ къ конфетчику. Я послалъ за нимъ *Провора*.

Г. Добромыслъ.

Подите дѣти въ мой кабинетъ, мнѣ хочется знать, что онъ отвѣчать будетъ. Когда по-

надобится свидѣтельство, то я васъ позову.

Привѣта, и Честана.

Такъ мы пойдемъ домой.

Г. Добромыслъ.

Нѣтъ, мои дорогія, я пошлю къ вашимъ родителямъ сказать, что вы остатокъ вечера здѣсь препроводите. Я думаю, что *Бѣдняковъ* съ своимъ отцемъ будетъ вмѣстѣ съ нами ужинать. Надобно изцѣлить причиненную мнѣ *Злонравомъ* рану, и это могу я сдѣлать только разговаривая съ такими любезными дѣтьми.

Милена. (*подслушивая.*)

Кажется идетъ *Злонравъ.*

(*Г. Добромыслъ отворяетъ двери у кабинета, дѣти туда входятъ*)

Явленіе XIV.

Г. Добромыслъ. (одинъ)

Г. Добромыслъ.

Давно уже надѣялся я подстеречь его, однакожъ не ожидалъ толь злобнаго поступка. Теперь кажется время отъучить его отъ сихъ пороковъ. Но увы! я долженъ употреблять отчаянныя средства.

Явленіе XV.

Г. Добромыслъ, Злонравъ.

Злонравъ.

Чего изволите батюшка?

Г. Добромыслъ.

Гдѣ ты былъ? развѣ не въ своей горницѣ.

Злонравъ.

Учитель нашъ ушелъ со двора. *Любимъ* также вышелъ, а я трудившись послѣ обѣда, только лишь пошелъ было прогуляться.

Г. Добромыслъ.

Да для чего ты не пошелъ такъ, какъ и *Любимъ* къ гостьямъ, кои сидѣли у сестры твоей.

Злонравъ.

Я туда ходилъ, да ети госпожи такъ дурно со мной обошлись - - - -

Г. Добромыслъ.

Какъ, такъ! ты меня удивляешь!

Злонравъ.

Онѣ пили чай, а мнѣ не дали ни капли, еще насмѣхались надо мною. *Любимъ* привелъ съ улицы како-

го

го то нищаго играть на скрыпкѣ. Онъ далъ ему кусокъ принесеннаго имъ пирога, а мнѣ ничего. Стали танцовать, но ни которая изъ дѣвицъ со мною танцовать не хотѣла. Хотя ихъ было три; однакожъ *Любимъ* одинъ былъ ихъ кавалеромъ. Чтожъ мнѣ было тамъ дѣлать? Я пошелъ за вороты смотрѣть на народъ.

Г. Добромыслъ.

За вороты только? А что ты сдѣлалъ тамъ надъ маленькимъ музыкантомъ? Нѣкто мнѣ сказалъ, что ты его билъ, разшибъ его скрыпку, и онъ ушелъ отъ тебя заплакавши.

Злонравъ.

Ето правда батюшка; и естьлибъ я не имѣлъ добраго сердца, то бы велѣлъ его посадить еще

еще и подъ караулъ. Послушайте только. Какъ онъ отсюда пошелъ; то подумалъ я, надобно что ни будь дать етому мальчику за труды; у *Любима* нѣтъ ничего, а куска пирога ему не довольно. Я вынулъ нѣсколько денегъ изъ кошелька, и ему далъ, а онъ вынулъ платокъ, что бы ихъ завернуть. Я примѣтилъ, что етотъ платокъ сестрицынъ; вотъ и мѣтка на немъ. Сперьва просилъ я его честью, чтобъ онъ его отдалъ; онъ не хотѣлъ. Я схватилъ его за воротъ; мы не много подрались, и тутъ то я не нарочно наступилъ на его скрыпку.

Г. Добромыслъ. (*съ гнѣвомъ*) Молчи, подлой лжецъ! не могу

тебя

тебя больше слушать.

Злонравъ. (приближается и хочетъ взять его за руку.)

Да, за ето вы сердитесь батюшка, сударь?

Г. Добромыслъ.

Прочь съ глазъ моихъ подлецъ, ты мнѣ ужасенъ.

(дѣти выходятъ изъ кабинета)

Явленïе XVI.

Г. Добромыслъ, Милена, Честана, Привѣта, Злонравъ, Любимъ.

Г. Добромыслъ.

Подойдите, любезныя дѣти! я хочу только тѣхъ видѣть, кои заслуживаютъ мою любовь, а ты - - - чтобъ я никогда тебя не видалъ! Нѣтъ, постой, тебѣ дол-

должно выслушать свой приговоръ. (*Миленѣ и Любиму*) Вы слышали клевету его на васъ?

Милена.

Слышали батюшка; и естьлибъ не нужно было къ нашему оправданїю: то бы не осмѣлилась я ни слова вамъ сказать, дабы васъ еще больше не огорчить.

Злонравъ.

Не вѣрьте ей ни въ чемъ, батюшка.

Г. Добромыслъ.

Молчи, я увѣренъ, что ты самой презрѣнной лжецъ, а ложь ведетъ къ воровству и убивству. Ты сдѣлался уже воромъ, такъ можетъ быть не достаетъ только въ тебѣ одной силы, чтобъ быть убїйцею. Говори *Миленушка.*

Ми-

Милена.

Во перьвыхъ онъ послѣ обѣда ничего не дѣлалъ, а перевелъ за него *Любимъ.*

Г. Добромыслъ.

Правда ли ето?

Любимъ.

Не запираюсь.

Милена.

Послѣ того вылилъ на *Честанино* платье чашку чаю; между тѣмъ, какъ мы платье вытирали, онъ сталъ у стола, и выпилъ весь чай такъ, что намъ ни капли не осталось. Вотъ свидѣтели (*показываетъ на Гж. Добросердовыхъ.*) А о пирогѣ - - -

Г. Добромыслъ.

Довольно етого. Всѣ твои пороки открылись. Теперь пойди въ свою горницу, а завтра по

утру

утру выгоню тебя изъ дому. Я тебѣ дамъ время на исправленіе, и естьли ты исправишься, возьму тебя опять къ себѣ; естьли же нѣтъ, то есть довольно мѣстъ для содержанія такихъ бездѣльниковъ, которые нарушаютъ покой общества. *Любимъ!* вели *Провору* за нимъ въ горницѣ присматривать, и накажи, что бы прислали ко мнѣ учителя, какъ онъ придетъ домой.

Милена и Любимъ.

(вступаясь за него)

Батюшка! дядюшка!

Г. Добромыслъ.

Я ничего не хочу слышать въ оправданіе его. Тотъ, кто отнимаетъ у бѣдныхъ заслуженныя деньги, кто разбиваетъ орудіе,

до-

доставляющее имъ пропитанїе, да еще и хочетъ оправдаться въ бездѣльничествахъ своихъ ложью и клеветою, достоинъ быть изключенъ изъ числа людей. Благодарю небо, что низпосылаетъ мнѣ толь хорошихъ дѣтей, каковыхъ я въ васъ нахожу. Вы то будете моею утѣхою, и съ вами то буду я сей вечеръ столько веселиться, сколько можетъ сдѣлать отецъ, произведшїй на свѣтъ такого негоднаго сына.

Конецъ Драмы.

Чи-

Чижикъ.

Чижики хороши! кому надобно чижиковъ, славныхъ чижиковъ?

Такъ кричалъ нѣкто, проходя мимо *Машинькинова* дома. *Машинька* услышавъ ето, подбѣжала къ окошку, и выглянувши въ оное, увидѣла, что ето птицеловъ, которой несъ на головѣ большую клѣтку съ птицами. Клѣтка была полна чижиковъ. Они такъ хорошо чиркали и поскакивали, что любопытная *Машинька* чуть было не упала изъ окна, желая пристальнѣе ихъ разсмотрѣть.

Не угодно ли купить чижичка, спросилъ птицеловъ?

Можетъ статься и куплю, отвѣчала

вѣчала *Машинька*, да ето не отъ меня зависитъ; постой я попрошу у батюшки позволенія.

Птицеловъ согласился ждать. Онъ поставилъ свою клѣтку на землю, и сталъ подлѣ ея. Между тѣмъ *Машинька* побѣжала изо всей силы въ горницу, кликая отца своего, пожалуйте сюда поскорѣе батюшка, пожалуйте поскорѣе.

Г. Добронравъ.

Что тамъ такое?

Машинька.

Тамъ стоитъ мужикъ съ чижиками, коихъ больше ста въ одной клѣткѣ, и держитъ ее на головѣ.

Г. Добронравъ.

Чемужъ ты такъ обрадовалась?

Машинька.

Ахъ! батюшка, мнѣ хочется ---

съ вашего позволенія купить себѣ чижичка.

Г. Добронравъ.

Да есть ли у тебя деньги?

Машинька.

О! у меня въ кошелькѣ довольно денегъ.

Г. Добронравъ.

Ктожъ будетъ кормить эту бѣдниньку птичку?

Машинька.

Я, сударь, я. Вы увидите, онъ обрадуется, что будетъ мой.

Г. Добронравъ.

Эй! я боюсь - - -

Машинька.

Чего боитесь?

Г. Добронравъ.

Чтобъ ты не уморила его съ голоду.

Ма-

Машинька.

Чтобъ я его уморила съ голоду! сохрани Боже. Да я не буду и сама до тѣхъ поръ завтракать, пока его не накормлю.

Г. Добронравъ.

Машинька, *Машинька*, какъ ты вѣтрена! тебѣ стоитъ только позабыть его одинъ день.

Машинька наговорила ему столько умильныхъ словъ, и столь долго къ нему ласкалась, дергая его за полу, что онъ принужденъ былъ склониться на ея прозьбу.

Онъ вышелъ съ нею на улицу, держа ее за руку. Подошедши же къ клѣткѣ, выбралъ самаго лучшаго чижика, которой былъ самецъ свѣтложелтаго цвѣту, съ чернымъ хохолкомъ.

Я не знаю, былЪ ли кто тогда довольнѣе *Машиньки*. Она отдала весь свой кошелекЪ отцу, что бы заплатить за чижика; а *Г. Добронравъ* купилЪ на свои деньги прекрасную для него клѣтку сЪ хрустальною водопойкою.

Лишь только она его вЪ своей горницѣ повѣсила; то и побѣжала кликать мать, сестерЪ и всѣхЪ домашнихЪ, что бы показать имЪ птичку, которую батюшка ей купилЪ. Какая бы изЪ ея прїятельницЪ кЪ ней ни пришла, то *Машинька* встрѣчала ее сими словами: знаете ли, что у меня есть самой лучшїй чижикЪ во всемЪ Петербургѣ; онЪ такой желтинькой, какЪ золотой, а черныя перышки у него

точно такія, какъ у маминьки на шляпкѣ. Онъ самецъ. Пойдемъ-ка, пойдемъ, я вамъ его покажу. Его зовутъ *Пипинька.*

Машинька содержала *Пипиньку* хорошо. Лишь только встанетъ она съ постели, то и насыплетъ ему свѣжаго корму и нальетъ чистой воды. Когда поставятъ на столъ бисквиты, то и *Пипинькѣ* оныхъ доставалось. У ней было для него всегда въ запасѣ нѣсколько кусковъ сахару. Клѣтка покрыта была всегда свѣжею травою, мокрицею. *Пипинька* за такое ея объ немъ стараніе не остался неблагодаренъ. Онъ ужъ началъ къ *Машинькѣ* привыкать, и лишь только она войдетъ въ горницу; то *Пипинька* замашетъ крылышками и за-

закричитЪ: *чикъ! чикъ! Машинька* цѣловала его безпрестанно.

ЧерезЪ недѣлю началЪ онЪ пѣть, сочиня самЪ себѣ прекрасныя пѣсенки. Иногда протягивалЪ онЪ такЪ долго свой голосЪ, что казалось, какЪ будто утомясь отЪ труда повалится онЪ при окончанiи пѣсни. По томЪ, нѣсколько отдохнувши, зачиналЪ опять пѣть такимЪ громкимЪ голосомЪ, что слышанЪ былЪ во всемЪ домѣ.

Машинька просиживала по цѣлому часу у его клѣтки, слушая его пѣнiе. Часто засматриваясь она на него выпускала изЪ рукЪ свою работу. Когда *Пипинька* споетЪ ей какую ни будь веселинькую пѣсеньку, то и *Машинька* споетЪ ему свою; послѣ чего

Пипинька снова запѣть старался.

Между тѣмъ мало по малу перестала уже *Машинька* находить въ семъ забаву. Отецъ подарилъ ей нѣкогда книгу съ картинами. Она такъ ею охотно и пріятно занималась, что чижичка почти забыла. Примѣтивъ издали *Машиньку*, хотя и закричалъ онъ ей: *чикъ*! *чикъ*! но *Машинька* его и не слушала.

Съ недѣлю не давала уже ему ни свѣжей мокрицы, ни бисквитовъ. Онъ пѣлъ самыя лучшїя пѣсенки, которыя перенялъ у *Машиньки*, и сочинялъ для нее новыя; но все было тщетно. Вѣрно у *Машиньки* другое въ головѣ было.

Наступили ея имянины. Дядюшка подарилъ ей большую куклу на колесахъ, которая привела

вела *Пипиньку* уже и въ совершенное забвенїе. Съ самаго утра даже до вечера *Машинька* ее переодѣвала, разговаривала съ нею, водила ее по горницѣ, а бѣдненькая птичка была и тѣмъ довольна, естьли подъ вечеръ дадутъ, хотя не множко корму.

Иногда *Пипинька* дожидался корму до другаго дня.

Одинъ разъ Г. *Добронравъ* сидя за столомъ, взглянулъ невзначай на клѣтку, и увидѣлъ, что чижикъ лежалъ въ ней на брюхѣ, и на силу дышалъ. Перья его стояли дыбомъ, и весь онъ въ комокъ свернулся. Г. *Добронравъ* къ нему подошелъ; однакожъ не услышалъ онъ отъ него и того, чтобъ закричалъ онъ: *чикъ*! *чикъ*! Бѣдной *Пипинь-*

ка при послѣднемъ уже издыханіи находился.

Машинька, спросилъ Г. *Добронравъ*, что сдѣлалось съ твоимъ чижичкомъ? *Машинька* покраснѣла. Ахъ, батюшка, я, - - - я позабыла - - - и побѣжала тотчасъ за конопляным сѣменемъ.

Г. *Добронравъ* снявъ клѣтку, и посмотрѣлъ, естьли у чижика кормъ и вода. Но увы! у бѣднаго *Пипиньки* ничего не было.

Ахъ, бѣдненькая птичка! вскричалъ онъ, въ какія жестокія руки ты попалась. Естьлибъ я его зналъ, то бы не покупалъ тебя. Всѣ гости бывшіе за столомъ , всплеснувъ руками , закричали: бѣдная птичка!

Г. *Добронравъ* положилъ въ клѣтку корму , и налилъ воды ; одна-

однакожЪ чижикЪ на силу могЪ оправиться.

Машинька вышла изЪ за стола, пошла заплакавши вЪ свою горницу, и омочила цѣлой платокЪ слезами.

На другой день *Госп. Добронравъ* приказалЪ отнести чижика вЪ домЪ своего сосѣда, Г. *Призора*, и отдать онаго его сыну, который былЪ весьма старательный мальчикЪ, и радѣлЪ о птичкахЪ больше, нежели *Машинька*.

Тогда то бы надобно было посмотрѣть печали и раскаянія *Машинькина*. АхЪ, любезная птичка! вскричала *Машинька*, бѣдненькой *Пипинька*! батюшка! я обѣщаюсь вамЪ вЪ томЪ, что не позабуду его во всю жизнь

мою,

мою, только оставьте мнѣ опять его.

Г. *Добронравъ*, смягченный прозьбою своей дочери, отдалъ ей чижика, не упустивъ ей однакожъ сдѣлать строгой выговоръ, и увѣщанiе. Ето бѣдное животное сказалъ онъ ей, сидя въ заперти, не въ состоянiи само себѣ доставлять пищу. Когда тебѣ что ни будь понадобится, то ты можешь оное выпросить сама; но *Пипинька* не можетъ того сдѣлать, по тому, что его не разумѣютъ. Ну, естьли ты опять заставишь его умирать съ голоду.

При сихъ словахъ *Машинька* залилась слезами, она взяла его за руку, поцѣловала ее, и не

могла

могла съ печали проговорить ни слова.

Спустя мѣсяцъ, надобно было отправиться *Г. Добронраву* съ женою своею на нѣсколько дней въ дорогу. *Машинька*, говорилъ онъ ей, *Машинька*, препоручаю тебѣ *Пипиньку*.

Лишь только они сѣли въ карету, *Машинька* побѣжала, и дала чижику корму.

Спустя нѣсколько часовъ послѣ того, ей стало скучно, она послала за своими подругами, чемъ и прогнала свою скуку. Онѣ пошли вмѣстѣ гулять; а какъ пришли съ гулянья, препроводили нѣсколько вечера, играя въ жмурки и танцуя. На конецъ разошлись очень поздно,

и

и *Машинька* легла, уставши отъ игры, въ постелю.

На другой день вставъ она, разсуждала о вчерашнихъ веселостяхъ. Естьлибъ надзирательница ее пустила, онабъ тотъ часъ побѣжала къ *Гж. Добролюбовымъ*; но надобно было ждать пока не отобѣдаютъ, и лишь только *Машинька* отобѣдала, то и пошла къ симъ госпожамъ.

А съ *Пипинькой* что сдѣлалось? Онъ остался одинъ.

Другой день также прошелъ въ удовольствіи.

Но *Пипинька* былъ позабытъ. Также было и въ третій день. А *Пипинька*? Кто бы о немъ при такихъ удовольствіяхъ подумалъ!

На

На четвертый день возвратился *Г. Добронравъ* съ своею женою домой. *Машинька* и не думала о ихъ возвращенїи. Лишь отецъ ее поцѣловалъ, и спросилъ о здоровьѣ, то перьвой его былъ вопросъ: какъ поживаетъ *Пипинька*?

Здоровъ, а! батюшка, вскричала *Машинька*: и побѣжала къ клѣткѣ, чтобъ его показать отцу.

Но, увы! бѣдная птичка была мертва, лежала на брюхѣ, съ распущенными крыльями и отворенньмъ носикомъ.

Машинька вскрикнула, и зачала ломать себѣ руки. Все семейство было свидѣтелемъ сего несчастїя.

Ахъ! бѣдненькая птичка,

вскри-

вскричалъ Г. *Добронравъ*, коль жалостную получила ты смерть. Естьлибъ я тебя при отъѣздѣ своемъ задавилъ, то бы ты только терпѣла одну минуту; но теперь томима чрезъ долгое время голодомъ, принуждена ты была умереть. Но ты еще счастлива, что избавилась отъ такой жестокой хозяйки.

Машинькѣ столько было стыдно, что лучше бы хотѣла она на то время сквозь землю провалиться; она бы отдала всѣ свои игрушки и деньги, дабы оживить *Пипиньку*, но все сіе тогда ужъ было тщетно.

Г. *Добронравъ* приказалъ чижика выпотрошить, набить соломою, и привѣсить къ потолоку.

Ма-

Машинька не смѣла на него смотрѣть, и какъ только взглянетъ, то на глазахъ ея видны были слезы. По чему часто просила она отца своего, дабы его отнять прочь.

Г. *Добронравъ* по многомъ прошенiи на сiе согласился; но съ тѣмъ, когда въ *Машинькѣ* окажется какая вѣтреность, то опять привѣшивали птичку на прежнее мѣсто, и всякой говорилъ: *бѣдной Пипинька! сколь жестокую понесъ ты смерть.*

Дѣти,

Дѣти, которыя сами собою хотятъ управляться.

Рѣзвонъ.

Ахъ, батюшка, какъ бы я желалъ такимъ большимъ выросши, какъ вы!

Г. Благоразумъ.

Для чего?

Рѣзвонъ.

Какъ для чего, батюшка? Мнѣ бы никто не приказывалъ, и я бы дѣлалъ все то, чтобъ мнѣ ни вздумалось.

Г. Благоразумъ.

Я думаю, что ты надѣлаешь много чудеснаго.

Рѣзвонъ.

О! ужъ въ етомъ я вамъ порука.

Г. Бла-

Г. Благоразумъ.

А ты *Упряма*, хочешь ли также дѣлать все то, что ни взбредетъ на мысль.

Упряма.

Какъ же, батюшка, конечно хочу.

Рѣзвонъ.

Ахъ, естьлибъ намъ съ сестрицей да воля.

Г. Благоразумъ.

Дѣти мои, я для васъ ето сдѣлаю; съ завтрешняго дня вы будете пользоваться сею вольностїю.

Рѣзвонъ.

Сомнительно, батюшка.

Г. Благоразумъ.

Нѣтъ. Завтра ни мать ваша, ни я, даже и никто въ домѣ не будетъ противиться вашей волѣ.

Рѣз-

Рѣзвонъ.

Какое удовольствїе, что нами уже никто повелѣвать не будетЪ!

Г. Благоразумъ.

Ето еще не все. Сею волею вы будете не только завтрешнїй день пользоваться, но до тѣхЪ порЪ, пока сами не придете просить, чтобЪ я опять вами повелѣвалЪ.

Рѣзвонъ.

Естьли такЪ, то мы будемЪ долго самовольными.

Г. Благоразумъ.

Я радЪ буду, видя, что вы сами собой управляете. И такЪ приготовляйтесь завтра играть сїю важную ролю.

НаступалЪ тотЪ день. Дѣти, вмѣсто того, что бы вставать, какЪ

какъ обыкновенно, въ семь часовъ, встали въ десятомъ. Но какъ долговременной сонъ дѣлаетъ насъ печальными и неповоротливыми; то сїе случилось съ *Рѣзвономъ* и *Упрямой*. Они проснувшись, казались отъ долгаго сна скучными.

Однакожъ представляя себѣ свою вольность, развеселились.

Когдажъ они одѣлись и позавтракали, то спросилъ *Рѣзвонъ*, чтожъ намъ теперь дѣлать?

Упряма.

Станемъ играть.

Рѣзвонъ.

А какъ?

Упряма.

Давай карточные домики строить.

Рѣзвонъ.

Стану я играть въ едакую скучную игру? Нѣтъ не хочу.

Упряма.

Такъ въ жмурки.

Рѣзвонъ.

Да двоимъ та не льзя.

Упряма.

Станемъ играть въ дурачки.

Рѣзвонъ.

Ты знаешь, что я не могу терпѣть такой игры, гдѣ должно сидѣть.

Упряма.

Ну, такъ скажи мнѣ, какъ ты хочешь играть?

Рѣзвонъ.

Станемъ играть въ солдаты---

Упряма.

Пристало ужъ ето очень дѣвушкѣ.

Рѣ-

Рѣзвонъ.

Давай играть въ лошади; ты будешь лошадь, а я извощикъ.

Упряма.

Какъ же не такъ; опять станешь бить меня, какъ и прежде, своею плѣтью. Нѣтъ, вѣдь я еще того не позабыла.

Рѣзвонъ.

Да я бью за дѣло; за чемъ ты такъ тихо бѣжишь.

Упряма.

Тихо бѣжишь? да вѣдь мнѣ больно. Нѣтъ, нѣтъ, не хочу такъ играть, знать тѣло то не твое.

Рѣзвонъ.

И етакъ не хочешь? ну, такъ станемъ играть въ охотники. Я буду егерь, а ты олень. Берегись, вотъ, за тебою пущусь.

Упряма.

Наплевать на твою охоту. Ты только того и глядишь, какЪ бы ко мнѢ придраться.

РѢзвонъ.

Коли ты не хочешь играть вЪ мою игру, такЪ я вовсе не хочу сЪ тобою играть. Слышишь ли?

Упряма.

Да и я не хочу сЪ тобой. Ты думаешь, очень тебя и боятся. Слышишь ли и ты, что я тебѢ сказала?

ПослѢ сихЪ разговоровЪ сЪ середины горницы, гдѢ они были, разошлись по угламЪ, и долгое время стояли, не говоря другЪ другу ни слова.

Они еще молчали, какЪ ударило десять часовЪ: имЪ только

ко оставалось два часа утра. *Рѣзвонъ* подошедъ къ своей сестрѣ, сказалъ: ну, инъ пускай по твоему будетъ. Давай играть въ дурачки по двенадцати пряниковъ игру.

Упряма.

О! пряниковъ у меня нѣтъ. Да ты мнѣ еще самъ дюжину долженъ; сперьва заплати долгъ свой.

Рѣзвонъ.

Я тебѣ вчерась былъ долженъ, а сего дня нѣтъ.

Упряма.

Да скажи пожалуй, какъ ты расплатился.

Рѣзвонъ.

Я самъ себѣ господинъ; нѣчего тебѣ у меня и спрашивать.

Упряма.

Упряма.

Вишь ты какой, вотъ я батюшкѣ раскажу твое плутовство.

Рѣзвонъ.

Батюшкѣ, да онъ надо мною никакой не имѣетъ власти.

Упряма.

Ну, такъ теперь я не стану играть.

Рѣзвонъ.

Ето отъ тебя зависитъ.

Второе молчанїе. Они опять разошлись по угламъ горницы. *Рѣзвонъ* зачалъ свистать, а *Упряма* запѣла. *Рѣзвонъ* сдѣлалъ плеть, и зачалъ ею хлопать; а *Упряма* одѣла свою куклу, и зачала разговаривать съ нею. *Рѣзвонъ* бормоталъ что то сквозь зубы, а *Упряма* воздыхала.

Часы

Часы опять ударили, и пробило одинадцать; имЪ только остался одинЪ часЪ до обѢда. *РѢзвонЪ* сЪ тоски бросаетЪ свою плеть за окно, а *Упряма* кидаетЪ куклу вЪ уголЪ. Они другЪ на друга глядятЪ, и не знаютЪ, что сказать.

На конецЪ *Упряма* перервала молчанїе: ну, братецЪ, давай, я буду твоя лошадь.

РѢзвонЪ.

ВотЪ, хорошо! давно бы такЪ. У меня есть длинная веревка, которая будетЪ служить вмѢсто вожжей, возьми ее вЪ зубы.

Упряма.

ВЪ зубы? какЪ же не такЪ! вотЪ тебѢ разЪ; естьли хочешь, такЪ привяжи ее вокругЪ тѢла, или за руку.

РѢз-

Рѣзвонъ.

Екая дурочка! Ну, видала ли ты у лошадей вожжи въ другомъ мѣстѣ, кромѣ какъ въ зубахъ.

Упряма.

Да я вѣдь не въ самомъ дѣлѣ лошадь.

Рѣзвонъ.

Ты будь какъ будто и за правду.

Упряма.

На чтожъ такъ?

Рѣзвонъ.

Вотъ, еще вздумала спрашивать. Ужъ пожалуйста, я лучше тебя знаю, да и какъ не знать; я каждой день бываю на конюшнѣ. Ну, полно тебѣ умничать, возьми, какъ нада.

Упряма.

Чтобъ я взяла въ ротъ ету

вере-

веревку, которая можетъ быть съ недѣлю въ сору валялась.

Рѣзвонъ.

Ну, такъ я опять не хочу играть.

Упряма.

Какъ хочешь.

Въ третій разъ не говорили они другъ съ другомъ дольше прежняго.

Рѣзвонъ подымаетъ свою плеть, а *Упряма* куклу. Но плеть по прежнему не хлопаетъ, и наряды къ куклѣ уже не такъ пристаютъ. *Рѣзвонъ* вздыхаетъ, а *Упряма* плачетъ. Между тѣмъ бьетъ двенадцать часовъ, и господинъ *Благоразумъ* пришедъ спросилъ ихъ, хотятъ ли они, чтобъ имъ подали кушать. Но что

вамъ

вамЪ сдѣлалось, говорилЪ онЪ, видя ихЪ обоихЪ печальными.

Ничего батюшка, сказали они, и отерши себѣ глаза, пошли за нимЪ вЪ столовую.

ВЪ сей день подано было на столЪ много блюдЪ, и у каждаго прибора по бутылкѣ вина.

Дѣти мои, сказалЪ имЪ г. *БлагоразумЪ*, естьлибЪ я имѣлЪ нѣкоторую надЪ вами власть, то бы запретилЪ вамЪ ѣсть сіи кушанья, а особливо пить вино. Я бы вамЪ предписалЪ пить малую часть онаго, по тому, что вино и сахарное кушанье дѣтямЪ вредны. Но какЪ вы теперь сами себѣ господа, то можете ѣсть, что хотите. Дѣти не ожидали дальняго его повторенія. ОдинЪ клалЪ вЪ ротЪ

боль-

большіе куски мяса безъ хлѣба; другая брала по полной ложкѣ соусъ, и оба они пили полные стаканы вина безъ воды.

Однакожъ, другъ мой, сказала тихонько *гж. Благоразумова* своему мужу, они отъ етаго сдѣлаются нездоровы.

Я самъ того опасаюсь, отвѣчалъ онъ. Но лучше желаю, что бы они теперь на себѣ дознали, коликой вредъ произойти можетъ отъ ихъ безумія, нежели стараясь чрезмѣрно о ихъ здоровьѣ, упустить намъ случай показать имъ на опытѣ, колико для нихъ сіе вредно.

Гж. Благоразумова поняла намѣреніе своего мужа, и дала волю симъ безумцамъ объѣдаться.

Изъ за стола встали. Брюхо

дѣтей отъ чрезмѣрныхъ яствъ было надуто, какъ барабанъ, и голова зачала также у нихъ кружиться. Пойдемъ, *Упряма*, закричалъ *Рѣзвонъ*, и повелъ сестру свою въ садъ.

Г. Благоразумъ за нужное почелъ присматривать за ними.

Въ саду былъ прудъ; подлѣ берега онаго лодочка; *Рѣзвонъ* захотѣлъ въ нее войти.

Упряма остановила его. Развѣ ты не знаешь, сказала она, что ето намъ запрещено.

Запрещено? отвѣтствовалъ *Рѣзвонъ*. Развѣ ты позабыла, что мы уже ни отъ кого не зависимъ, кромѣ самихъ себя.

Ахъ, твоя правда, сказала ему *Упряма*, и подавъ ему руку, оба они вошли въ лодку.

Г. Благо-

Г. Благоразумъ подвинулся поближе, и разсудилъ за благо имъ не показаться.

Онъ зналъ, что прудъ былъ не глубокъ. Хотя бы они и упали, говорилъ онъ самъ себѣ, то не великаго труда будетъ мнѣ стоить ихъ оттуда вытащить.

Рѣзвонъ и *Упряма* хотѣли отвязать лодку отъ берега, и пехнуть ее на средину пруда; но они не могли успѣть въ своемъ намѣреніи, будучи не въ состояніи развязать узловъ веревки, которою она была привязана.

Когда мы не можемъ въ лодкѣ поѣздить, сказалъ безразсудной *Рѣзвонъ*, то по крайней мѣрѣ покачаемся. И такъ поставивши ноги на краю лодки, началъ ее

то

то на ту, то на другую сторону наклонять.

КакЪ у нихЪ еще голова кружилась, то скоро они потеряли равновѣсіе. Схватились другЪ за друга, чтобЪ удержаться, но вдругЪ они упали вмѣстѣ, сперьва на край лодки, а послѣ вЪ прудЪ.

Г. Благоразумъ выбѣгаетЪ какЪ молнія изЪ того мѣста, гдѣ былЪ спрятавшись. ОнЪ бросается вЪ воду; схватываетЪ одною рукою *Рѣзвона*, а другою *Упряму* и отводитЪ ихЪ домой полумертвыми отЪ страха.

ВЪ то время, какЪ ихЪ раздѣвали и терли, продолжалась престрашная рвота. На конецЪ положили ихЪ вЪ теплыя постели. Они поперемѣнно чувство-

ствовали такіе припадки, которые для нихЪ были весьма опасны. Они жаловались на ужасную головную боль и на рѣзЪ вЪ животѣ. Всякую минуту падали вЪ обморокЪ и мучимы были рвотою и удушьемЪ.

ВЪ семЪ то плачевномЪ состояніи проводили они остатокЪ дня. Они испуская тяжкіе вздохи, плакали и на конецЪ отЪ усталости уснули.

На другой день по утру вошелЪ кЪ нимЪ отецЪ, и спросилЪ, какЪ они препроводили ету ночь.

Не очень-та хорошо, отвѣчали они слабымЪ голосомЪ; мы весьма часто разбужались, и еще теперь брюхо и голова у насЪ болятЪ.

Бѣдныя дѣти, сказалъ имъ г. *Благоразумъ*, какъ вы мнѣ жалки! но что то вы нынѣ съ вашею вольностью дѣлать будете? Развѣ вы позабыли, что она еще вамъ принадлежитъ.

Нѣтъ, не принадлежитъ, отвѣчали они оба съ поспѣшностїю.

А за чемъ, друзья мои? Не вы ли говорили прежде, что повелѣнія другихъ исполнять скучно.

Наше неразумїе довольно насъ научило, отвѣтствовалъ *Рѣзвонъ*, и мы етого долго не забудемъ, прибавила *Упряма*.

Г. Благоразумъ.

Такъ, вы теперь уже не хотите быть самовластными.

Рѣзвонъ.

Нѣтъ, нѣтъ, батюшка. Скажите

жите лучше, что намЪ дѢлать.

Упряма.

Ето для насЪ гораздо полезнѢе будетЪ.

Г. Благоразумъ.

Подумайте хорошенько, о чемЪ вы говорите. ВѢдь, естьли я возьму свою власть, то предЪувѢдомляю васЪ, что прикажу нѣчто непрїятное.

Рѣзвонъ.

Нужды нѢтЪ, батюшка! мы готовы исполнять все, что вамЪ за благо разсудится.

Г. Благоразумъ.

Ну, коли такЪ, у меня есть желтоватой порошокЪ, которой называютЪ *рабарбаръ*: правда, онЪ не вкусенЪ, но весьма хорошЪ для людей, которые неумѢренностїю испортили свой

желудокъ. Какъ вы обѣщаетесь исполнять все, что я ни скажу, то приказываю вамъ сей часъ принять етотъ порошокъ безъ отговорокъ.

Рѣзвонъ.

Извольте, батюшка, примемъ.

Упряма.

Хотябъ ето горько было, какъ желчь.

Г. Благоразумъ сдѣлавъ пилюли, далъ имъ оныя принять.

Дѣти безъ всякихъ кривляній, какъ то прежде дѣлали, проглотили ихъ, смотря одинъ на другаго. Сіе лѣкарство подѣйствовало столь хорошо, что они оба выздоровѣли.

Въ послѣдствіи времени; когда имъ хотѣли какимъ ни будь страшнымъ наказаніемъ погрозить

зить, то говорили имъ: *вотъ, мы вамъ отдадимъ вольность*; и они болѣе страшились сей угрозы, нежели, естьли бы имъ кто сказалъ, *вотъ, васъ посадятъ на хлѣбъ да на воду.*

Кустъ.

Въ одинъ ясный Майскій вечеръ г. *Доблестъ* сидя съ сыномъ своимъ *Андрюшею* на скатѣ холма, показывалъ ему изящность природы, которую заходящее солнце, стремясь подъ горизонтъ, облекало въ пурпуровую одежду. Ихъ пріятное разсужденіе было прервано радостнымъ пѣніемъ пастуха, гонящаго изъ ближняго поля свое блеющее стадо. По обѣимъ сторонамъ дороги, по которой онъ его гналъ, находилось множество терновыхъ кустовъ и овцы зацѣпляясь за оные, оставляли по клочку шерсти.

Андрюша

Андрюша разсердясь на сихъ хищниковъ, сказалъ отцу: видите ли, батюшка, какъ ети кусты вырываютъ у овецъ шерсть. На что создалъ Богъ ети проклятые кусты? И для чего люди не согласятся со всѣмъ ихъ истребить? Естьли еще разъ овцы пройдутъ по етому мѣсту, то оставятъ всю свою шерсть. Но нѣтъ, завтра встану при самомъ разсвѣтѣ, приду съ своимъ тесакомъ и срѣжу всѣ ети кусты на голо. Вы пойдете также со мною, возмете свой большой кортикъ, и ето все мы еще до завтрака сдѣлаемъ. Мы подумаемъ о томъ, что ты намѣренъ дѣлать, отвѣчалъ г. *Доблестъ*; но между тѣмъ, не будь такъ жестокъ

къ етимъ кустамъ, и вспомни, что мы въ Ивановъ день дѣлаемъ?

Андрюша.

А что такое, батюшка?

Г. Доблестъ.

Развѣ ты не видалъ пастуховъ, которые взявъ большія ножницы, обрѣзываютъ у трепещущихъ овецъ не только клочки, но и всю ихъ шерсть.

Андрюша.

Ето правда, но сіе дѣлаютъ они для того, что имѣютъ нужду въ платьяхъ; а кусты у нихъ ее вырываютъ безъ всякой нужды.

Г. Доблестъ.

Ты не знаешь, къ чему ети клочки могутъ служить. Но положивъ, что они имъ не нужны, можноли почесть справед-

ливымъ

ливымЪ присвоять себѢ чужую вещь.

Андрюша.

Батюшка, я отЪ васЪ слышалЪ, что овцы вЪ ето время года сами роняютЪ шерсть, и такЪ лучше намЪ ее употребить на что ни будь нужное, нежели попустить, чтобы она опала безЪ всякой пользы.

Г. Доблестъ.

Твое разсужденїе справедливо. Природа дала всѢмЪ животнымЪ одежду; и мы свою должны отЪ нихЪ заимствовать, естьли не хотимЪ ходить нагими, и не желаемЪ подвергаться жестокости зимы.

Андрюша.

Да кустамЪ то нѢтЪ нужды вЪ одеждѢ. И такЪ, батюшка, уже

уже тутъ нѣчего говорить. Съ завтрешняго дня надобно срѣзать всѣ ети кусты. Вы пойдете со мной, не такъ ли?

Г. Доблестъ.

Очень хорошо. Ну, такъ завтра лишь станетъ разсвѣтать.

Андрюша почиталъ уже себя витяземъ отъ одного только воображенія, что онъ истребитъ своею ручонкою такое множество хищниковъ, и на силу заснулъ занимаясь своими завтрешними побѣдами. Лишь только радостное пѣніе птицъ, сидящихъ на древахъ у оконъ его, возвѣстило возвращеніе зари, *Андрюша* поспѣшилъ разбудить своего отца. *Г. Доблестъ* мало заботясь о истребленіи кустовъ, но радуясь, что имѣетъ случай пока-

показать своему сыну удивительную красоту раждающагося дня, не менѣе поспѣщилъ встать съ постели. Они скоро одѣлись, взяли свое оружїе, и пошли въ походъ для исполненія намѣренія своего. *Андрюша* шелъ въ передъ съ торжествующимъ видомъ, г. *Доблестъ* на силу могъ за нимъ слѣдовать. Приближась къ кустамъ, увидѣли маленькихъ пшичекъ, которыя порхали по ихъ вѣточкамъ. Потише, сынъ мой, сказалъ г. *Доблестъ*, отложимъ на часъ наше мщеніе, что бы не встревожить сихъ невинныхъ тварей. Взойдемъ на то мѣсто холма, гдѣ мы вчера вечеромъ сидѣли, что бы узнать, чего на сихъ кустахъ етѣ птицы

съ

съ такою жадностію ищутъ. Они взошли на холмъ, сѣли и начали смотрѣть. *Андрюша* увидѣлъ птичекъ, которыя оставшуюся шерсть овецъ въ своихъ носикахъ несли. Стада синицъ, снигирей, чечотокъ и соловьевъ обогощались сею добычею.

Что ето значитъ, вскричалъ удивленный *Андрюша*?

Ето значитъ то, отвѣчалъ ему отецъ, что провидѣніе и о малѣйшихъ животныхъ печется, доставить всѣ возможные способы къ ихъ счастію и продолженію жизни. Ты видишь: бѣдныя птицы находятъ здѣсь, чѣмъ ущитить жилище, которое строятъ для своихъ птенцовъ. Они приготовляютъ какъ для себя, такъ и для всего

своего

своего семейства мягкую постелю. Итакъ тотъ добрый кустъ, на которой ты вчера такъ разсердился, соединяетъ земныхъ жителей съ воздушными. Онъ требуетъ у богатаго излишность, чтобы тѣмъ наградить бѣдность убогаго. Ну, такъ хочешь ли ты его теперь истребить? Боже сохрани, вскричалъ *Андрюша*. Правда твоя, сынъ мой, отвѣчалъ г. *Доблестъ*, да цвѣтетъ онъ въ мирѣ, когда изъ своей добычи дѣлаетъ такое великодушное употребленіе.

Простонъ.

Простонъ.

Въ нѣкоторомъ городѣ былъ дурачокъ по имени *Простонъ.* Когда онъ со двора ни выходилъ, то имѣлъ по пяти или по шести париковъ на головѣ и по стольку же муфтъ на каждой рукѣ. Хотя онъ и былъ помѣшанъ въ умѣ, но злости въ сердцѣ своемъ не имѣлъ, и много требовалось времени, чтобъ его разсердить. Когда онъ ходилъ по улицамъ, то изъ каждаго дома выходили мальчики, которые, бѣгая, за нимъ, кричали: *Простонъ, Простонъ, по чемъ ты продаешь свои парики и муфты?* *Простонъ* сносилъ терпѣливо всѣ ихъ насмѣшки; но иногда такъ

его

его беспокоили, что онъ кидалъ симъ повѣсамъ въ глаза каменьями и грязью. Одинъ разъ сраженіе произошло близъ дому г. *Доброума*, который услыша шумъ, подошелъ къ окошку. Съ прискорбіемъ увидѣлъ онъ и сына своего тутъ же вмѣшавшагося. Лишь только онъ сіе усмотрѣлъ, то затворилъ окно, и ушелъ въ другую комнату.

Когда сѣли за столъ, г. *Доброумъ*, спросилъ сына своего: кто ето такой, за кѣмъ ты съ великимъ крикомъ бѣгалъ.

Легкомыслъ.

Вы его непремѣнно, батюшка, знаете, вѣдь ето *Простонъ* дурачокъ.

Г. Доброумъ.

Бѣдный человѣкъ! что было причиною етого его несчастія?

Легкомыслъ.

Говорятъ, тяжба за одно богатое наслѣдство. Онъ такъ жалѣлъ о потерѣ онаго, что даже и ума лишился.

Г. Доброумъ.

Естьли бы ты его зналъ, когда онъ лишился своего наслѣдства, и естьлибъ онъ тебѣ со слезами сказалъ „*Послушай, дружокъ „мой, какъ я несчастливъ. Меня ли„шили наслѣдства, которымъ я „спокойно наслаждался; все мое „имѣніе истощено на тяжбу; у меня „нѣтъ ни въ деревнѣ, ни въ городѣ „жилища, словомъ, я всего лишенъ.* Сталъ ли бы ты надъ нимъ смѣяться?

Легкомысль.

Боже меня отъ етого сохрани; можно ли питать въ себѣ такую злость, что бы надъ несчастнымъ насмѣхаться? Я бы старался его утѣшить.

Г. Доблесть.

А развѣ онъ теперь счастливѣе, когда лишился ума?

Легкомысль.

Никакъ нѣтъ, онъ еще большаго сожалѣнія достоинъ.

Г. Доброумъ.

Но для чегожъ ты нынѣ надъ нимъ издѣваешься, бросаешь каменьями въ несчастнаго, котораго бы ты долженъ утѣшать и въ то время, когда бы участь его не такого сожалѣнія была достойна.

Легкомысл.

Батюшка, я худо поступилЪ; простите меня вЪ етомЪ.

Г. Доброум.

Я тебя охотно прощу, только сЪ тѣмЪ, чтобЪ ты сего впередЪ не дѣлалЪ. Но не довольно того, чтобЪ одинЪ я только тебя простилЪ, надобно еще у кого то испросить прощенія.

Легкомысл.

У *Простона*, не такЪ ли?

Г. Доброум.

А за чемЪ у *Простона*?

Легкомысл.

За тѣмЪ, что я его обидѣлЪ.

Г. Доброум.

ЕстьлибЪ *Простон* былЪ вЪ своемЪ умѣ, то бы должно было тебѣ просить у него прощенья; но какЪ онЪ не вЪ силахЪ будетЪ

детъ понять, что ты чрезъ извинение разумѣть будешь, то оное у него просить и безполезно. Однакожъ ты полагаешь, что у тѣхъ, коихъ мы обидѣли, надобно просить прощения.

Легкомыслъ.

Вы меня тому учили, батюшка.

Г. Доброумъ.

А знаешь ли, кто повелѣваетъ оказывать несчастнымъ милосердие?

Легкомыслъ.

Богъ.

Г. Доброумъ.

Но ты, вмѣсто того, чтобъ явить свое сострадание къ бѣдному *Простону*, умножилъ еще ругательствами печаль его. Развѣ ты думаешь, что такое поведение не оскорбляетъ Бога.

Оскорбляетъ, и я нынѣшней же вечеръ на молитвѣ своей буду у Бога просить прощенія.

Легкомысл сдержалъ свое слово, онъ раскаялся въ своемъ преступленіи, и тотъ же вечеръ просилъ у Бога прощенія изъ глубины своего сердца. Въ теченіи нѣсколькихъ недѣль не только онъ не трогалъ *Простона*, но еще не допускалъ своихъ товарищей надъ нимъ издѣваться.

Не смотря на все сіе, случилось ему нѣкогда вмѣшаться въ сію шайку повѣсъ. Правда, пошелъ онъ туда только для любопытства, дабы посмотрѣть, что будутъ съ етимъ бѣднымъ человѣкомъ дѣлать.

Иногда

Иногда по примѣру другихъ кричалъ онъ, *Простонъ*, *Простонъ*, и мало по малу учинился онъ уже начальникомъ сей шайки; но вышедшей изъ терпѣнія *Простонъ* отворотившись вдругъ схватилъ большой камень и бросилъ такъ сильно въ *Легкомысла*, что онымъ ссадилъ ему щеку, и оторвалъ часть уха.

Такимъ образомъ окровавленный *Легкомыслъ* пришелъ домой съ великимъ стономъ. Вотъ, праведное Божїе наказанїе! сказалъ г. *Доброумъ*. Но для чего одинъ я столь жестоко наказанъ, не смотря на то, что товарищи мои ему еще больше оскорбленїй дѣлали, а остались безъ наказанїя? сїе происходитъ отъ того, перервалъ отецъ, что ты лучше

прочихъ понималъ то самое зло, которое другому причиняешь, и потому твое преступленіе есть большее. Справедливость требуетъ, что бы дитя, забывающее повелѣніе Божіе и отца своего, былъ въ двое больше и наказанъ.

ВСЕМИЛА

Подбирающая колосья.

Драма въ одномъ дѣйствіи.

Дѣйствующія лица:

Зрѣлумъ.

Драгимъ, } его дѣти
Любима, }

Гж. Добleста.

Всемила, дочь ея.

Грубонъ караульный въ полѣ *г. Зрѣлума.*

Дѣйствіе произходитъ въ недавно выжатомъ полѣ, на которомъ еще видно нѣсколько сноповъ. На одной сторонѣ господской замокъ, а на другой крестьянскія хижины. Все представляетъ сельскую уединенную жизнь.

ВСЕМИЛА

Подбирающая колосья.

Драма въ одномъ дѣйствіи.

Явленіе I.

(Театръ представляетъ поле покрытое снопами)

Всемила.

(держитъ обѣими руками полную корзину колосьевъ. Она садится у снопа.)

Вотъ, ето не худо зачато. Какая радость для бѣдной моей матери.

(кладетъ корзину на землю, и смотритъ на нее съ веселымъ видомъ.)

Етотъ старинькой жнецъ! съ какимъ великодушіемъ наполнилъ онъ

онъ мою корзину! хотябъ я цѣлой день ходила по полю, то бы не набрать и въ половину противъ етаго. Да наградитъ его за сїе Господь Богъ. Вотъ, еще валяется нѣсколько колосьевъ; дай-ка возьму одну или двѣ горсточки -- (*укладываетъ въ корзину колосья обѣими руками*) Подавивши не множко, они туда войдутъ, да передника развѣ у меня нѣтъ? (*встаетъ, беретъ одною рукою оба конца передника, и лишь только другою хочетъ въ него положить набранныя колосья, какъ вдругъ слышитъ шумъ*) Боже мой! что за человѣкъ идетъ ко мнѣ съ такимъ угрюмымъ видомъ; кажется я худова ничего не сдѣлала. (*оборачивается къ своей корзинѣ, беретъ ее, и хочетъ уйтить.*)

Явленїе

Явленіе II.

Всемила, Грубонъ.

Грубонъ. (*удерживаетъ ее за руку.*)

А! воровочка! теперь то я поймалъ.

Всемила.

Что вы сударь говорите? я не воровка, а честная дѣвушка, слышите ли?

Грубонъ.

Честная дѣвушка? ты честная дѣвушка. (*вырываетъ изъ рукъ ея корзину.*) А что у тебя тутъ, честная дѣвушка?

Всемила.

Вы видите, что тутъ; колосья.

Грубонъ.

Такъ, они у тебя въ корзинѣ и ростутъ?

Всемила.

Ахъ! естлибъ они у меня тутъ росли, не столькобъ я и трудилась, сбирая ихъ по полямъ.

Грубонъ.

Ну, такъ ты ихъ украла.

Всемила.

Пожалуйте, сударь, не обходитесь со мной такъ подло, я бы согласилась и съ своею матерью лучше умирать съ голоду, нежели дѣлать то, о чемъ вы говорите.

Грубонъ.

Да вѣдь не чортъ же ихъ туда положилъ.

Всемила.

Не пужайте меня своими словами, а на передъ выслушайте: я пошла собирать колосья вонъ въ то поле. Тамъ былъ старичокъ

ричокъ, который видѣлъ, что я дѣлаю. Бѣдное дитя, сказалъ онъ, какъ она трудится, дай-ка я ей помогу. На томъ полѣ были снопы, и онъ полными горьстьми клалъ колосья въ мою корзину. То, что даютъ бѣдному, говорилъ онъ, Богъ возвратитъ и - - -

Грубонъ.

А! понимаю. Старикъ въ томъ полѣ насыпалъ тебѣ полную корзину колосьевъ, которые ты здѣсь взяла, не такъ ли?

Всемила.

Спросите сами его, онъ вамъ скажетъ.

Грубонъ.

Вотъ, стану я туда бѣгать! подожди лишь только, я тебя поймалъ здѣсь; такъ нѣчево больше и говорить.

Всемила.

Но я васъ увѣряю, что до ваших сноповъ и не дотрогивалась. Вотъ, не множко колосьевъ, которые у меня въ передникѣ, набрала я на землѣ; ибо я думала, что сїе позволяется. Но естьли вамъ того жаль, то я готова отдать назадъ; возмите, вотъ ваши.

Грубонъ.

Нѣтъ, нѣтъ, они съ тѣми же останутся, и гдѣ будетъ корзинка, тамъ и тебѣ быть должно. Ну, чтожъ ты стала, ступай-ка за мной въ караульню.

Всемила. (*съ ужасомъ*)

Какъ! что вы говорите, честной человѣкъ?

Грубонъ.

Да, теперь честной человѣкъ!

я бы еще былЪ честнѢе, когда бы тебя отпустилЪ, не правда ли? вЪ караульню, говорятЪ, скорѢе, ну, ступай!

Всемила.

АхЪ, прошу васЪ ради Бога! я здѢсь набрала одну горсточку колосьевЪ, которые и отдала вамЪ; но что скажетЪ моя бѣдная мать, когда я цѢлой день не буду домой, и когда услышитЪ, что меня заключили вЪ караульню; она вЪ состоянiи умереть.

ГрубонЪ.

Великое несчастiе! худая трава изЪ поля вонЪ.

Всемила (*плачетЪ*)

АхЪ! естьлибЪ вы знали, какая ето добрая мать! какЪ мы бѣдны! вы бы конечно сжали-

лись надъ нами.

Грубонъ.

Я сюда приставленъ не для сожалѣнія, но для того, чтобъ останавливать и брать подъ караулъ всѣхъ тѣхъ, которые бродятъ по господской землѣ.

Всемила.

Но естьли кто ничего не сдѣлалъ, и во все невиноватъ такъ, какъ я?

Грубонъ.

Ужъ мнѣ твоя невинность! Пришла, да украла цѣлую корзинку колосьевъ; а послѣ мнѣже еще и лжетъ. Ну, долго ли тебя ждать, ступай за мной.

Всемила.

(*падаетъ у одного снопа*)

Ахъ, сударь! сжальтесь надо мною; возьмите, естьли вамъ

хочется

хочется, мою корзинку. Увы! вы етимъ малымъ моимъ запасомъ не обогатитесь; но пустите меня, покорно прошу; естьли не ради меня, хоть ради моей бѣдной матери; я вся ее подпора и утѣха.

Грубонъ.

Естьли я тебя отпускаю, то я тебѣ сказываю, не ради твоей матери; я бы ее прогналъ на сто верстъ отсюда: но для тебя только; ты тронула меня своимъ плаканьемъ. Да не думай, чтобъ я тебѣ отдалъ корзину, погоди не множко, я ее конфискую именемъ правленія; а какъ въ пятницу судейской день: то г. управитель наложитъ хорошей на васъ штрафъ, и естьли вы онаго не заплатите, то подъ

кара-

караулѣ, и изъ деревни вонъ, только и всего. (*Онъ кладетъ корзину на спину. Всемила горько плачетъ, и падаетъ передъ нимъ на колѣни.*) Слушай, не скучай мнѣ; а то увидишь, что будетъ. (*уходитъ говоря сквозь зубы*) Дай-ка имъ только волю, вѣдь они какъ бы малы ни были, и землю съ нашего поля снести рады.

Явленїе III.

Всемила. (*одна садится на землю, наклоняетъ свою голову на снопъ; нѣсколько минутъ плачетъ она въ молчанїи, на конецъ встаетъ и осматривается*)

Ахъ! онъ ушелъ, ушелъ етотъ злой человѣкъ! онъ уноситъ

всю

всю мою радость; я все теряю, колосья, пригожую корзиночку, и Богъ знаетъ, что то со мной и съ матерью моей будетъ. (*помолчавъ не много*) Какъ счастливы ети птички! имъ вольно брать хотя нѣсколько зеренъ для насыщенія, а я --- но почему знать, можетъ быть и ихъ какой нибудь злой человѣкъ, съ ружьемъ стережетъ? дай, я ихъ отгоню, а послѣ и сама уйду; можетъ быть и за то накажутъ, что я тутъ на снопъ положила свою голову. Но какія ето двое дѣтей ко мнѣ идутъ.

Явленïе IV.

Драгимъ, Любима, Всемила.

(отирая слезы)

Драгимъ.

А! а! ето ты дѣвушка, которую *Грубонъ* засталъ, что срываетъ колосья со сноповъ?

(Всемилѣ слезы не дозволяютъ отвѣтствовать)

Любима.

(глядитъ на нее со вниманïемъ, и отводитъ своего брата въ сторону) Кажется, ета добрая дѣвушка, *Драгимъ.* Она плачетъ, не печаль ее своими выговорами. Такая малость колосьевъ, которые она набрала, право, того не стоитъ --- *(подходитъ къ Всемилѣ)* О чемъ ты плачешь, бѣдное дитятко.

Всемила.

Какъ не плакать? когда меня на

напрасно обвиняютъ, и вы, можетъ быть, думаете, что я виновата.

Драгимъ.

Такъ ты не виновата?

Всемила.

Вы можете етому повѣрить. Я пошла собирать вонъ въ то поле колосья. Старой жнецъ сжалясь надо мною, что я такъ тружусь, наполнилъ мою корзинку колосьями. Здѣсь я еще ихъ набрала нѣсколько, которые разбросаны были. Вашъ лихой караульной нашелъ меня у етаго снопа, и обвинилъ въ кражѣ. Онъ взялъ мою корзинку, и потащилъ было меня въ караульню, естьлибъ я его своими прозьбами и слезами не склонила на то, что онъ меня отпустилъ.

Любима.

Ахъ! посмотрѣлабъ я, какъ бы онъ тебя посадилъ. Мы имѣемъ такого добраго отца, который не терпитъ, что бы съ бѣдными жестоко поступали, и онъ бы томъ часъ приказалъ тебя выпустить.

Драгимъ.

Онъ скоро велитъ отдать тебѣ и твою корзинку, я тебѣ въ томъ ручаюсь.

Всемила. (*съ радостью*)

Такъ вы можете меня въ томъ обнадѣжить, сударь?

Любима.

Я съ *Драгимомъ* постараюся сколько можно упросить объ етомъ батюшку--- будь спокойна. Онъ никогда нами столь доволенъ не бываетъ, какъ тогда, когда

мы

мы просимъ въ пользу бѣдныхъ. Мы бы могли и безъ спросу его отдать тебѣ корзинку.

Всемила.

Ахъ, какъ вы счастливы, сударыня, что не требуете ни отъ кого помощи, да еще и сами можете другимъ помогать.

Драгимъ.

Такъ, ты очень бѣдна, любезное дитя?

Всемила.

Должно думать, что въ крайней нахожусь нуждѣ, когда собираю здѣсь съ такою горестію насущный хлѣбъ.

Любима.

Какъ! такъ ты сбираешь колосья, чтобъ дѣлать изъ нихъ хлѣбы? я право думала, что ты ето дѣлаешь для того, что бы

изпечь

изпечь сïи зерна на раскаленной лопаткѣ, а послѣ ѣсть такъ, какъ мы иногда съ братцемъ дѣлаемъ, когда насъ только двое.

Всемила.

О! нѣтъ, сударыня. Матушка и я хотѣли сперьва сïи колосья обмолотить, и отвесть на мѣльницу, чтобъ послѣ испечь хлѣбы.

Любима.

Да вѣдь отъ того, душинька, не сколько вымелется, и не на долго вамъ станетъ.

Всемила,

Естьлибъ стало, хоть на одинъ или два дни! тобъ и мы съ матушкой надѣялись, одинъ или два дни больше прожить.

Драгимъ.

Ну, такъ чтобъ у тебя былъ еще вѣрной день, я отдаю тебѣ по-

послѣднюю гривну, которую было я берегъ, по тому что она новинькая.

Всемила.

Ахъ, сударь! сколько денегъ! нѣтъ, нѣтъ, я ихъ не возьму.

Любима. (*улыбаясь*)

Сколько денегъ! бери скорѣе, полно отговариваться. Естьлибъ кошелекъ мой былъ со мной, я бы тебѣ еще больше дала. Однакожъ твои деньги цѣлы будутъ.

(*Драгимъ подаетъ ей опять деньги, Всемила краснѣетъ, беретъ деньги, и пожимаетъ его руку не отвѣчая.*)

Драгимъ.

Етого еще не довольно. Я изо всей силы побѣгу за *Грубономъ*, чтобъ онъ отдалъ мнѣ непремѣнно корзинку, а естьли нѣтъ---

Все-

Всемила.

Ахъ! не трудитесь, сударь. Вы обѣщаетесь мнѣ помогать, и етого для меня довольно.

Любима.

Скажи мнѣ, гдѣ ты живешь?

Всемила.

Здѣсь въ деревнѣ.

Драгимъ.

Да какъ же мы тебя еще не видывали; а всякой годъ во время жатвы сюда съ батюшкой прїѣжжаемъ.

Всемила.

Съ недѣлю еще, какъ мы сюда пристали къ одной добринькой старушкѣ, по имени *Усердѣ*, которая моей матушкѣ очень великая прїятельница, и истинный другъ.

Лю-

Любима.

КакЪ! кЪ старой *Усердѣ.*

Драгимъ.

Мы ее знаемЪ. Она вдова послѣ бѣднаго ткача, и не имѣетЪ работы. Батюшка ее иногда призываетЪ работать вЪ саду.

Любима.

Сведи-ка меня кЪ твоей матери.

Всемила.

Ето для нее много чести, сударыня. Такая, какЪ вы дѣвица благородная - - -

Любима.

Напрасно, батюшка не велитЪ думать, что мы благороднѣе другихЪ. Коли только за етимЪ дѣло стало - - -

Всемила.

НѣтЪ, на противЪ того вы можете помочь мнѣ утѣшить ма-

матушку въ потерѣ корзины и колосьевъ. И какъ тотъ лихой человѣкъ намъ еще грозилъ---

Драгимъ.

Пожалуй , не опасайся его угрозъ. Въ то время, какъ сестрица пойдетъ съ тобою къ твоей матушкѣ, я за нимъ побѣгу, и вѣрно - - - да придешь ли ты опять сюда?

Всемила.

Естьли вы, сударь, прикажете.

Драгимъ.

Твоя корзинка будетъ здѣсь прежде, нежели ты воротишся.

Всемила.

Можетъ статься, приведу съ собой матушку поблагодарить васъ.

Любима.

Пойдемъ же къ ней поскорѣе.

(*беретъ Всемилу за руку и съ ней уходитъ.*)

Явле-

Явленїе V.

Драгимъ.

(одинъ)

Какъ счастливы мы съ сестрицею, что не принуждены собирать колосья, такъ какъ ета дѣвушка дѣлаетъ, для пропитанїя своего! Право, сїя малютка разговариваетъ умно, какъ будто бы была непростаго рода; она не имѣетъ такого неопрятнаго вида, и не въ такихъ лохмотьяхъ, какъ наши деревенскїя дѣвки. О! я конечно у батюшки выпрошу--- но вотъ, и онъ идетъ съ *Грубономъ*, да и корзинка съ ними же.

Явле-

Явленїе VI.

Драгимъ, Г. Зрѣлумъ, Грубонъ.

Драгимъ (подбѣгая къ своему отцу)

Какъ я, батюшка, радъ, что васъ встрѣтилъ. (*Грубону*) Слушай, отдай ету корзинку.

Грубонъ

Тише, сударь, тише; а не то, вы мнѣ шею сломите.

Г. Зрѣлумъ.

На что тебѣ, *Драгимъ*, ета корзинка?

Драгимъ.

Она принадлежитъ одной бѣдной дѣвушкѣ, у которой етотъ негодный *Грубонъ* отнялъ ее вмѣстѣ съ колосьями, которые ей ради Христа надавали. Вы все узнаете, батющка.

Гру-

Грубонъ.

О! о! такъ вы меня называете негоднымъ за то, что я исполняю свою должность, и не даю ворамъ красть! за что же мнѣ даетъ господинъ и жалованье?

Г. Зрѣлумъ.

Сколько разъ говорилъ я тебѣ, *Грубонъ*, что бы ты не позволялъ бродягамъ ходить по моимъ землямъ, и обеспокоивать крестьянъ; но бѣдныхъ, притомъ и честныхъ, которые желаютъ собрать малое число оставшихся послѣ такой богатой жатвы колосьевъ, я не приказывалъ тебѣ задерживать.

Грубонъ.

Да кто имъ не велитъ собирать колосья тогда, когда

уже

уже жатва отойдетъ; но пока есть хоть одинъ снопъ на полѣ---

Драгимъ. (*съ насмѣшкой*)

Скажи лучше , когда поле въ пару, или покроется снѣгомъ: ну, ужъ есть чего собирать въ етакое время.

Грубонъ.

Вы въ томъ ничего не понимаете, сударь--- а притомъ, кому знать, можетъ ето и воры?

Драгимъ.

Воры ? дѣвушка мнѣ сама сказывала, что она здѣсь не взяла ни одного колоска, и что корзину ее наполнилъ въ ближнемъ около насъ полѣ какой то старой жнецъ.

Грубонъ.

Вѣрю, что она ето вамъ сказала; да такимъ людямъ ни

въ

въ полушкѣ вѣрить не льзя; я ее здѣсь засталъ на снопѣ.

Г. Зрѣлумъ.

И она срывала колосья съ снопа?

Грубонъ.

Етого вѣдь я утвердительно и не говорю. Да почему знать, что она прежде дѣлала? опять же сїи расказы про стараго жнеца, не сущїя ли враки? по етому знаю я нашихъ крестьянъ, то то щедрые люди?

Драгимъ.

А я такъ подтверждаю, что тѣ колосья ей даны; по тому, что она мнѣ сказала; а такая добрая дѣвушка ни изъ чего не солжетъ.

Грубонъ.

Да вы развѣ, сударь, ни разу не лгали? а васъ таки все почи-

таютъ за честнаго дворянчика.

Драгимъ.

Слышите ли, батюшка, какимъ меня етотъ негодный *Грубонъ* считаетъ? (*Грубону съ гнѣвомъ*) естьлибъ я лгалъ, то бы былъ негодный мальчикъ; но я не лгу, такъ, какъ и ета дѣвушка. Ты самъ развѣ такой ---

Г. Зрѣлумъ.

Тише, *Драгимъ*, до сихъ поръ доволенъ я твоей защитой. Надобно всѣхъ людей почитать честными, пока не увѣримся объ нихъ въ противномъ; и на тѣхъ, которые не того мнѣнія, не должно сердиться; а надлежитъ стараться съ пріятностью привесть ихъ на лучшія мысли.

Грубонъ.

Нѣтъ, нѣтъ, сударь, лучше думать,

мать, что всѣ люди злы, пока ихъ хорошенько не разсмотришь, и не будешь имѣть болѣе въ томъ сомнѣнія. Ето гораздо разумнѣе. Когда идетъ ко мнѣ на встрѣчу быкъ; то я не очень ввѣряюсь его рогамъ, и сторонюсь прочь отъ него. Можетъ быть, онъ и не золъ; однакожъ все таки лучше: *уклонись отъ зла, и сотвори благо.* Чѣмъ вѣрнѣе, тѣмъ лучше.

Г. Зрѣлумъ.

Естьли бы всѣ люди имѣли такой образъ мыслей, какъ ты, *Грубонъ*, съ кѣмъ бы мы могли жить? Что бы было между мною и тобою, естьлибъ я не принялъ тебя караулить земли мои, а выдалъ бы тебя, какъ бродягу, безъ пашпорта и аттестата?

Грубонъ.

Да, ето правда; но не честной ли я человѣкъ?

Г. Зрѣлумъ.

Я тебя для того и держу, что въ томъ увѣренъ; но я прежде тебѣ вѣрилъ по твоимъ только словамъ и облику.

Драгимъ.

Ахъ, батюшка! естьли основываться на словахъ и на обликѣ; то бы вы больше етой дѣвушкѣ, нежели *Грубону*, повѣрили.

Грубонъ.

Какъ же не такъ, сударь. Поглядитетъ-ка на меня прямѣе. Батюшка бы вашъ былъ весьма доволенъ, естьли бы дѣвушкинъ обликъ ему столько показался, сколько мой.

Дра-

Драгимъ.

Пристало ужъ и тебѣ съ етакою медвѣжею харею – – –

Г. Зрѣлумъ.

Полно, *Драгимушка.* *Грубонъ*, знаешь ли ты ету дѣвушку?

Грубонъ.

Я ее и знаю и не знаю. Вѣдаю только то, что двѣ недѣли, какъ она здѣсь съ матерью своею; но за чѣмъ, и какъ онѣ сюда прїѣхали, только одинъ управитель объ етомъ васъ увѣдомитъ. Сказать ли вамъ, сударь? Ему худо принимать въ свою деревню людей, которыхъ должно кормить своимъ хлѣбомъ.

Драгимъ.

Ну, такъ я самъ буду ихъ кормить, я, я.

Грубонъ.

Да развѣ у васъ есть что ни будь собственное.

Драгимъ.

Естьли у меня нѣтъ; то у батюшки довольно.

Грубонъ.

Однакожъ крестьяне то не довольны --- Но какъ сунетъ кто ни будь приказнымъ людямъ--- (*считаетъ въ рукѣ*) да я думаю и г. управитель ---

Драгимъ.

Не ругаетъ ли онъ и управителя? Добро, я сїе ему все перескажу.

Г. Зрѣлумъ.

Тише, *Драгимушка*. Вижу, *Грубонъ*, что тебя не льзя избавить отъ подозрѣнїя; да и я также подозрѣваю. Ты судишь, что дѣвушка

вушка набрала здѣсь колосья, по тому, что нашелъ ее на моемъ полѣ у снопа. Ты говоришь также, что управитель подкуплен бѣдною семьею, чтобъ принялъ ее въ деревню. Ну, такъ и я полагаю, что ты удержалъ корзину за тѣмъ, что у ней не было денегъ, чтобъ тебѣ дать, а естьлибъ было, то бы ты вѣрно ее отпустилъ.

Грубонъ.

Какъ, сударь! можете ли вы ето подумать?

Г. Зрѣлумъ.

Когда хочешь, чтобъ я ето думалъ о другихъ; по чемужъ не льзя етаго и о тебѣ заключить?

Грубонъ.

Ну, коли такъ, сударь, я замолчу.

чу. И когда увижу нищихъ таскающихъ вашъ хлѣбъ, лѣсъ и прочее --- прикажете ли отнесть корзинку къ управителю?

Драгимъ.

Ахъ, батюшка! не велите, здѣлайте такую милость.

Г. Зрѣлумъ.

Грубонъ, отнеси корзинку къ той бѣдной женщинѣ, и извинись передъ ея дочкою.

Грубонъ.

Извиниться, сударь, извиниться? что вы говорите? чтобъ я извинялся? да и еще за что?

Драгимъ.

Какъ, за что? За чѣмъ ты безъ причины ее обидѣлъ, и сдѣлалъ ей безчестіе, обвинивъ ее въ такой подлости.

Гру-

Грубонъ.

Естьли только за ето извиняться - - -

Г. Зрѣлумъ.

Грубонъ, естьлибъ я предъ тобою провинился, то бы и самъ попросилъ прощенія. А чтобъ тебя въ томъ увѣрить, то самъ туда пойду, отнесу корзинку, и за тебя буду просить прощенія.

Грубонъ.

Да заставте, сударь, лучше *Драгима.*

Драгимъ.

Отъ всего сердца, батюшка. Подождемъ, дѣвушка сама скоро придетъ съ *Любимою*, которая пошла утѣшить ее матушку.

Грубонъ.

Такъ мнѣ здѣсь дѣлать нѣ-

чего

чего; (*уходитъ ворча*) я вижу, что мы будемъ имѣть столько нищихъ въ деревнѣ, что и намъ самимъ придется ходить по мїру.

Явленїе VII.

Г. Зрѣлумъ, Драгимъ.

Драгимъ.

Слышите ли, батюшка, что онъ говоритъ?

Г. Зрѣлумъ.

Слышу, сынъ мой, и все ему прощаю.

Драгимъ.

Да какъ можете вы держать такого злаго человѣка?

Г. Зрѣлумъ.

Въ немъ нѣтъ злости, другъ мой; онъ ето дѣлаетъ изъ чрез-

вычай-

вычайной ревности къ нашему прибытку; и будучи ко мнѣ съ лишкомъ привязанъ, исполняетъ въ точности приказанія мои.

Драгимъ.

Но онъ несправедливъ.

Г. Зрѣлумъ.

Ты теперь слышалъ отъ него со всѣмъ тому противное. Одна его ошибка, что, хотя онъ и исполняетъ весьма строго все то, что ему предписано, однакожъ не имѣетъ довольно разсудка, чтобъ различать время и людей.

Драгимъ.

Сдѣлайте милость, растолкуйте это мнѣ, батюшка.

Г. Зрѣлумъ.

Съ охотою, другъ мой. Приставя его къ сему мѣсту, не велѣлъ

я пускать на мою землю побродягъ; естьлижъ попадутся, то водить ихъ къ судьѣ. Сей приказъ касался только до тѣхъ зловредныхъ, которые кормятся воровствомъ и разбойничествомъ.

Драгимъ.

А! понимаю. Онъ почитаетъ тѣхъ за воровъ, которые для прокормленія своего, требуютъ у другихъ помощи, не извѣдавъ съ точностію, что ихъ къ тому понудило: старость ли, болѣзни ли, или другія неминуемыя несчастія.

Г. Зрѣлумъ.

Очень хорошо, сынъ мой; ибо обстоятельства часто перемѣняютъ сущность вещей. На примѣръ: ты очень мало разсуждалъ о дѣлѣ, о которомъ ты ссорился

съ

съ *Грубономъ*. По чему знать? можетъ быть, мать сея дѣвушки и порочная женщина, и дѣвушка можетъ налгала тебѣ, а въ самомъ дѣлѣ рвала она колосья съ моихъ сноповъ.

Драгимъ.

Нѣтъ, батюшка, етому быть не льзя.

Г. Зрѣлумъ.

По чему быть нельзя? освѣдомлялся ли ты? знаешь ли ты какова она? кто ее матушка, и за чѣмъ онѣ сюда пріѣхали?

Драгимъ.

Ахъ, естьлибъ вы услышали ея рѣчи, естьлибъ только увидѣли ея станъ, слезы!- - - она столь бѣдна, что должна кормиться только горстью колосьевъ. На чтожъ вамъ больше? развѣ должно

жно попустить бѣдному умереть съ голоду, когда не знаю, достоинъ ли онъ моего сожалѣнія.

Г. Зрѣлумъ.

Обойми меня за сіе, *Драгимушка*, храни всегда такія великодушныя чувствованія къ бѣднымъ: и Богъ тебя за то благословитъ, равно какъ и меня возращеніемъ оныхъ въ юномъ сердцѣ твоемъ. Милосердіе предпочтительнѣе строгости, нечувствительность ведетъ насъ къ несправедливости; а тотъ, кто пользуясь нашимъ благодѣяніемъ, его не заслуживаетъ, самъ согрѣшаетъ, а не мы.

Драгимъ.

Да вѣдь не хорошо, батюшка, приставлять такихъ людей, какъ *Гру-*

Грубонъ, къ мѣсту, гдѣ можно учинить несправедливость.

Г. Зрѣлумъ.

Ето бы было правда, естьлибъ я ему далъ полную власть, чтобъ самому судить. Онъ можетъ сдѣлать несправедливость только на время, чего почти избѣгнуть ни какъ не льзя; но ее можно легко и загладить. А чтобъ чинить расправу о всемъ по справедливости; то я имѣю въ своемъ управителѣ человѣка знающаго, честнаго и съ благородными чувствованiями. Онъ при принятiи дѣвушки и матери ея въ деревню отозвался объ нихъ весьма хорошо, и меня увѣдомилъ, что онѣ живутъ у *Усерды*, весьма честной женщины.

Ара-

Драгимъ.

А естьли бы *Грубонъ* прибилъ дѣвушку, такъ, какъ онъ ей грозилъ?

Г. Зрѣлумъ.

Онъ бы етаго никогда не сдѣлалъ. Я ему приказалъ, естьли не захочетъ потерять мѣста, чтобъ не бить ни одного человѣка, хотябъ кого и поймалъ; онъ такъ и поступаетъ.

Драгимъ.

Ахъ, батюшка! вотъ сестрица идетъ съ дѣвушкой!

Явленіе VIII.

Тѣже, Любима, и Всемила.

Драгимъ (*подбѣгая къ Всемилѣ съ корзинкой.*)

На, душинька, вотъ тебѣ корзинка, тутъ всѣ колосья до одного.

Все-

Всемила.

Ахъ! милинькая корзиночка. Благодарю васъ покорно сударь. (*видя г. Зрѣлума*) Какойето господинъ?

Любима. (*бѣжитъ къ отцу своему, и бросается ему на шею*)

Ето нашъ любезный батюшка.

Драгимъ.. (*Всемилѣ*)

О! предобрый отецъ, увѣряю тебя. Не бойся ни чего. Я тебя ему представлю. (*подходя*) Ужъ онъ далъ напрягай старому *Грубону* за тебя.

Всемила. (*подходитъ съ робостью къ г. Зрѣлуму, и цѣлуетъ его руку.*)

Милостивый государь! простите мнѣ сію смѣлость - - - какія у васъ добрыя дѣти.

Г. Зрѣ.

Г. Зрѣлумъ.

Драгимъ правду сказалъ, не льзя въ ея невинности сомнѣваться. Ея благопристойный видъ и ея разговоры доказываютъ что она не просто была воспитана.

Всемила. (*тихо Драгиму и Любимѣ.*)

Не разсердилаль я вашего батюшку? онъ говоритъ что то про себя.

Г. Зрѣлумъ. (*услыша ее*)

Нѣтъ, душинька. Естьли мои дѣти тебѣ что и сдѣлали, то кажется, ты того достойна.

Любима.

Конечно она того достойна, батюшка. Ахъ, естьлибъ вы видѣли ее матушку.

Г. Зрѣлумъ.

Кто твоя матушка, душинька? зачѣмъ

за чѣмъ вы прїѣхали сюда, и какъ вы живете?

Всемила.

Мы живемъ - - о Боже мой! сама не знаю какъ. Мы живемъ или не многимъ, или ни чемъ. Весь день, а иногда всю ночь мы шьемъ и прядемъ, что бы было чѣмъ кормиться. Старая *Усерда* отвела покой моей матери, и онѣ послали меня сего дня сбирать колосья. Но увы! я въ томъ не успѣла.

Драгимъ. (*тихо Всемилѣ*)

Не грусти. Сестрица и я попросимъ у батюшки, чтобъ велѣлъ тебѣ давать колосья даромъ.

Г. Зрѣлумъ.

Да гдѣ вы прежде жили?

Всемила.

Въ мѣстечкѣ *Уединяевѣ*, въ нѣскольких верстахъ разстоянї-

емЪ отсюда. КакЪ тамЪ содержаться было трудно, то *Усерда* призвала мать мою жить у ней даромЪ.

Г. Зрѣлумъ. (*въ сторону*) Когда бѣдные люди такЪ благодѣтельны; то, что можно потребовать отЪ насЪ? (*Всемилѣ*) ЖивЪ ли твой отецЪ? кто онЪ?

Драгимъ.

Я бьюсь обЪ закладЪ, что онЪ не мужикЪ.

Любима.

И я тоже, а особливо, какЪ я увидѣла ее матушку.

Всемила.

ОтецЪ мой? --- у меня его нѣтЪ. Я его никогда и не видала. ОнЪ умерЪ вЪ то время, какЪ я родилась. АхЪ! естьлибЪ онЪ еще живЪ былЪ.

Г. Зрѣ-

Г. Зрѣлумъ.

Да не знаешь ли ты, кто онъ? какъ его имя?

Всемила.

Матушка вамъ объ етомъ лучше скажетъ.

Г. Зрѣлумъ.

Нельзя ли мнѣ съ ней поговорить?

Любима.

О! конечно. Она тотъ часъ будетъ. Дайте ей только не множко прибраться.

Г. Зрѣлумъ.

Ктожъ тебя воспиталъ?

Всемила.

Она, сударь. Она сама учила меня закону, читать, писать, и не много рисовать.

Г. Зрѣлумъ.

И рисовать? я ужъ болѣе не сомнѣваюсь; онѣ вѣрно какого

ни будь отличнаго рода, приведеннаго несчастїями къ сему состоянїю.

Любима.

Вотъ она идетъ!

Драгимъ.

Ето она?

Г. Зрѣлумъ. (*въ сторону*)

Хочется разпознать все ето. Мнѣ кажется, вижу я въ семъ ребенкѣ, какъ будто знакомыя черты; но не могу ихъ вспомнить.

Явленїе IX.

Тѣже и Гж. Доблеста.

Всемила (*подбѣгаетъ къ своей матери, которая видя г. Зрѣлума, смущается.*)

Пожалуйте сюда матушка, небойтесь ничего. Ето отецъ

тѣхъ

тѣхъ дѣтей, которыя къ намъ толь снисходительны. Онъ такъ же добръ, какъ и дѣти.

Гж. Доблеста. (подходитъ съ робостью; Любима беретъ ее за руку, и ведетъ къ отцу.)

Любима.

О! батюшка все знаетъ.

Гж. Доблеста.

Смѣю ли ласкаться надеждою, что вы не подозрѣвали мою *Всемилушку* - - -

Г. Зрѣлумъ.

Стоило только увидѣть васъ и дочь вашу, чтобъ увѣриться въ невинности вашей.

Драгимъ.

Ее зовутъ *Всемилой*. О! батюшка, она не рождена сбирать колосья.

Гж. Доблеста.

Нужда предписываетъ иногда

строгіе

строгїе законы; и дабы не дѣлать ничего безчестнаго - - -

Г. Зрѣлумъ.

Не должно стыдиться бѣдности. Съ нею нерѣдко бываютъ соединены добродѣтели. Позвольте, сударыня, спросить ваше имя?

Любима.

Ее зовутъ *гж. Безнадѣжева.*

Гж. Доблеста.

Я не думаю скрыть передъ вами моего настоящаго имени, а почитаю за долгъ вамъ оное объявить, дабы вы познали причину сего моего состоянїя, въ какомъ вы меня видите. (*глядитъ на дѣтей*) Но мнѣ бы хотѣлось ето вамъ одному открыть, не для того, что я стыжусь своей бѣдности, но по тому только, что, естьли узнаютъ мое настоящее имя, то думаю, найдутся

дутся между людьми такія сердца, которыя меня симЪ упрекать сЪ удовольствіемЪ станутЪ, по тому, что мы иногда вЪ ихЪ глазахЪ и вЪ счастіи будучи поступаемЪ не благородно.

Драгимъ.

Ну, такЪ я не стану слушать.

Любима.

А я увѣряю васЪ, что ни полЪ словечка ни кому не скажу, и кто бы вы ни были, *Всемила* мнѣ всегда другЪ.

Г. Зрѣлумъ.

Повѣрьте, сударыня, что я о сихЪ околичностяхЪ васЪ бы не спрашивалЪ, естьлибЪ не побуждаемЪ былЪ кЪ тому сильною причиною, и намѣреніемЪ поправить несправедливость рока.

Гж. Доблеста.

Я рождена отЪ благородной, но

но несчастной фамилїи; съ молодыхъ лѣтъ жила я въ столичномъ городѣ у одной знатной госпожи для препровожденїя съ нею времени. Назадъ тому лѣтъ съ восемь, какъ познакомилась я съ подполковникомъ *Доблестомъ*, который прїѣжжалъ побывать на нѣсколько мѣсяцовъ въ столицу.

Г. Зрѣлумъ. (*съ восхищенїемъ*) *Доблестъ! Доблестъ!*

Гж. Доблеста.

Онъ свелъ со мною знакомство, и своими добродѣтелями склонилъ меня къ себѣ; я дала ему свою руку, и спустя нѣсколько дней послѣ свадьбы, оба мы поѣхали въ его деревню.

Г. Зрѣлумъ.

О! ето онъ, ето онъ. Я нахожу

черты

черты его въ семъ дитяти.

Гж. Доблеста.

Что вы, сударь, говорите.

Г. Зрѣлумъ.

Продолжайте, сударыня, покорно прошу.

Гж. Доблеста.

Я буду, какъ можно короче расказывать. Мы зачали вкушать въ уединенїи прїятность нашего брака. Но, увы! воинскїе труды ослабили здоровье моего мужа, а жестокая болѣзнь окончала въ краткое время и жизнь его. (*испускаетъ слезы.*)

Любима (Всемилѣ)

Бѣдное дитя! такъ ты была сиротой еще въ молодыхъ лѣтахъ.

Всемила.

Увы! еще до рожденїя моего.

Гж. До-

Гж. Доблеста.

При смерти моего мужа была я уже беременна сею дочерью, и въ родахъ едва и сама не лишилась жизни. Лишь только братья мужа моего, люди жестокосердые и корыстолюбивые, увидѣли, что послѣ него не осталось мужескаго пола дѣтей; то завладѣли его маетностьми. И какъ мы съ дня на день отлагали бывшій между нами супружескій договоръ утвердить законнымъ порядкомъ: то я и должна была довольствоваться тѣмъ, что они оставили мнѣ и дочери моей.

Г. Зрѣлумъ.

Ихъ жадная скупость заставляетъ думать, что сумма вамъ дана не велика, и не на долго служила.

Гж. До-

Гж. Доблеста.

Данною мнѣ малою суммою прожила я нѣсколько лѣтъ въ *Уединяевѣ*, въ надеждѣ той, что я получу вдовью часть мою. Увидѣвши, что вся моя надежда тщетна, прїѣхала въ столичный городъ, чтобъ имѣть пристанище у своей прежней благодѣтельницы; но не за долго предъ моимъ прїѣздомъ она умерла. И такъ мнѣ оставалось кормиться работою рукъ своихъ. Продавъ лучшїя свои вещи и платье удалилась я опять въ *Уединяево*, чтобъ жить въ неизвѣстности. Спустя нѣсколько времени нашла я по случаю женщину, которую я прежде знавала, и которая живетъ здѣсь въ деревнѣ.

Любима.

Ето старая *Усерда*, батюшка.

Гж. Доблеста.

Она такъ же служила у той госпожи, о которой я вамъ говорила. Когда она была жестоко больна, то я за нею ходила, и тѣмъ самимъ получила привязанность ея къ себѣ. Я открыла ей свое состоянїе. Она предложила мнѣ переѣхать жить сюда въ уединенїи, и взяла меня къ себѣ. Какъ ее нѣкому во гробъ положить; то она дала мнѣ знать, что по смерти ея буду я наслѣдницей ея хижины. Теперь вы видите, сударь - - -

Г. Зрѣлумъ.

Довольно того, сударыня. Я постараюсь быть еще болѣе благодарнымъ, нежели великодушная

ная сія женщина, и весьма радъ, что могу заплатить тотъ долгъ, которымъ я обязанъ вашему достойному супругу.

Гж. Доблеста.

Развѣ вы его, сударь, знавали?

Драгимъ.

Вы знали *Всемилина* отца?

Любима.

Ахъ, любезная *Всемила*! мы тебя ужъ не отпустимъ. Но о чемъ же ты плачешь?

Всемила.

Не безпокойтесь, я плачу отъ радости.

Г. Зрѣлумъ.

Онъ то спасъ жизнь мою! Какое для меня счастіе, что могу возблагодарить за сіе благодѣяніе супругѣ его и дочери. Въ прошлую Турецкую войну и я былъ

въ походѣ. Нѣкогда послѣ неудачной стычки, видя меня одинъ Турецкой наѣздникъ, выбившагося изъ силъ, налетѣлъ съ саблею, и убилъ бы меня непремѣнно, естьли бы не отвратилъ удара сего подполковникъ, устремясь на него.

Гж. Доблеста.

Изъ сего познаю я, что ето точно онъ; ибо онъ былъ столькоже храбръ, сколько и великодушенъ.

Г. Зрѣлумъ.

Спустя нѣсколько дней былъ я отряженъ къ исполненію нѣкотораго опаснаго предпріятія. Мы были окружены непріятелемъ, и по долгомъ сопротивленіи, нашлись принужденными здаться. Весь мой снарядъ былъ разграбленъ; не оставалось у

меня

меня ни платья, ни денегЪ. Г. *Доблестъ* провѢдавЪ о жребіи моемЪ препоручилЪ меня ПашѢ, повелѢвающему тогда войскомЪ непріятельскимЪ. По его то старанію доставлена мнѢ помочь, вЪ которой я имѢлЪ нужду, дабы исцѢлить опасную рану, полученную мной при оной сшибкѢ. ЦѢлые два года я оправлялся, и когда возвратился вЪ отечество, только и имѢлЪ времени, что его обнять; ибо скоро принужденЪ былЪ Ѣхать вЪ Индію. Шесть лѢтЪ тому назадЪ, женившись я тамЪ очень выгодно, пріѢхалЪ вЪ свое отечество, и лишь только вознамѢрился кЪ нему пойти: то вдругЪ увѢдомили меня, что онЪ уже скончался. Но думалЪ

ли

ли я, что найду супругу и дочь его въ такомъ состоянїи, въ какомъ я васъ съ прискорбїемъ моимъ теперь вижу?

Гж. Доблеста.

Великїй Боже! какими чудесами я сюда зашла.

Драгимъ.

Какъ! твой отецъ спасъ жизнь моего батюшки!

Любима.

Сколько мы обязаны тебя любить!

Г. Зрѣлумъ.

Поди сюда, *Всемилушка*, ты во мнѣ найдешь себѣ отца. Моимъ дѣтямъ надобна такъже и мать, чтобъ заступить мѣсто той, коей они по несчастїю лишились. Воспитанїе, которое вы дали вашей любезной дочери (*Всемила*

подходя

подходя къ нему и цѣлуетъ его руку,) показываетъ, что вы достойны такого почтеннаго имени. Я возьму всѣ мѣры, чтобъ васъ впредь не постигло никакое несчастїе.
(*Всемилѣ, которая держитъ его руку.*) Такъ, душинька, я не буду тебя различать отъ дѣтей моихъ; въ тебѣ вижу я живое изображенїе великодушнаго отца твоего, и ты столько достойна моей нѣжности, сколько онъ достоинъ былъ моей благодарности.

Гж. Доблеста.

(*беретъ съ восхищенїемъ руку Зрѣлума*)

Чѣмъ могу я вамъ за сїе возблагодарить? развѣ единыя слезы могутъ изъявить мои чувствованїя.

Всемила (*обнимая ее.*)
О матушка! такЪ вы всегда у насЪ со *Всемилою* будете? увидите, какЪ я васЪ стану слушать.

*Драгим*Ъ.

Да! *Всемила* будетЪ моя сестрица. ВѢрно ужЪ больше не пойдетЪ собирать колосья. А! *Грубон*Ъ, теперь то, я надЪ тобой посмѢюсь?

Гж. Доблеста.

Любезныя дѢти! коликою радостїю наполняете вы мое сердце! ВмѢсто одного дитяти, имѢю я троихЪ. НѢтЪ, не уступлю ни одной матери на свѢтѢ вЪ нѢжности и попеченїи моемЪ о васЪ. (*Зрѣлуму*) Позвольте мнѢ сударь, пойти увѢдомить о семЪ *Усерду*; я думаю, она тому очень рада будетЪ.

Г. Зрѣ-

Г. Зрѣлумъ.

Извольте, сударыня. А я между тѣмъ велю готовить для васъ въ замкѣ горницы.

Любима.

Позвольте мнѣ, батюшка, сходить къ ней же съ маминькою и сестрицею.

Драгимъ.

И мнѣ туда же хочется, батюшка.

Г. Зрѣлумъ.

Хорошо, дѣти мои. А послѣ приведите сюда *Гж. Доблесту* съ ея дочерью, да и *Усерду* позовите къ намъ отобѣдать.

Драгимъ (*Всемилѣ, которая хочетъ несть корзину.*)

Нѣтъ, душинька, ето ужъ теперь не твое дѣло. Пускай она здѣсь останется.

Всемила.

Ахъ! нѣтъ сударь, ни за что не отдамъ ему корзину; она то причиною, что я васъ узнала, и здѣлавъ себѣ и матери своей счастїе, получила жизнь и благоденствїе. Нѣтъ, корзиночка моя! я тебя никогда не постыжусь.

(подъимаетъ ее и съ трудомъ кладетъ себѣ на плечи)

Любима.

Да вынь хоть колосья то, такъ будетъ легче.

Всемила.

Нѣтъ, чтобъ *Грубонъ* ни говорилъ, а колосья мои; мнѣ ихъ старикъ далъ. Я подарю ихъ *Усердѣ*.

Г. Зрѣ.

Г. Зрѣлумъ.

И она не будетъ позабыта въ будущую жатву; съ сего дня будетъ у ней вѣрной хлѣбъ.

Гж. Доблеста.

Да наградитъ Небо щедрость вашу благоденствіемъ дѣтей вашихъ.

Конецъ Драмы и первой части.

Печатано съ дозволенія Указнаго у Вильковского, содержателя типографіи для Коммисіи объ учреждении Училищъ.

